

С·ВОЛКОВ

Пастыри

Черные бабочки

СТАРЫЙ ФАНТЕЗИ

Сергей Юрьевич Волков
Пастыри. Черные бабочки
Серия «Пастыри», книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=165603

С. Волков. Пастыри. Черные бабочки: Олма Медиа Групп; Москва; 2008
ISBN 978-5-373-00558-6

Аннотация

Подмосковье захлестнула волна кровавых ритуальных убийств. Безжалостные и жестокие преступники не ведают ни страха ни сомнений. Успешный предприниматель Бутырский в одночасье лишается всего, что имел и оказывается за решеткой. Он становится последней жертвой, его кровь открывает дорогу между мирами и великий чародей Троянда следом за своими слугами прорывается в нашу реальность. И вот он уже прибирает к рукам заблудшие души подростков-глумов, и они черными бабочками кружатся в темных залах заброшенных станций московского метро.

Содержание

Антескриптум	5
Пролог	7
Глава первая	18
Глава вторая	40
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Сергей Волков

Пастыри. Черные бабочки

На прочные доспехи непременно

найдется острый клинок:

так ломается твердое.

На острый нож непременно

найдется твердый предмет:

так тупится острое.

«Гуань Инь-Цзы»

Всем детям страны Советов посвящается эта книга

Антескрипtum

Учитель и Ученик созерцали Бытие.

Оно жило вокруг них. Жило по своим законам – шумело, суенилось, порождало запахи и звуки, шаркало сотнями ног и галдело сотнями голосов.

– В метро всегда найдется немало поучительного и занятного, – сказал Учитель.

– Но что же тут занятного? Обычная толпа, все торопятся. Час пик... – возразил Ученик.

– Посмотрите вон туда, мой друг. Что вы видите?

– Ну, бабка какая-то... Плющит ногой пустую банку из-под пива, чтобы сдать. Обычное дело, – пожал плечами Ученик.

– Для желающего узреть истинный смысл вещей даже эта пожилая женщина и ее занятие – прекрасный объект познания, весь состоящий из символов.

– Но какие же тут символы? Учитель, вы хотите подшутить надо мной?

– Отнюдь. Извольте, я расскажу вам то, что вижу: вот женщина. Она уже прожила жизнь, изменилась телесно и духовно. Ее одежда темных тонов поведает нам о тяжести ее бытия – и это первое из череды того, что мы можем узнать о ней.

В ее жестах и движениях заметны усталость и раздражение. Это второе.

Де юре она все еще женщина, но уже не способна выполнять главного своего предназначения – дарить жизнь. Это третье.

То, чем она занимается, красноречивее любого оратора сообщает нам о ее материальном положении. Это четвертое.

И, наконец, само ее присутствие в подземелье, коим является метро, намекает на скорый и, увы, неизбежный закат ее жизни.

– Ну, это очевидные вещи, Учитель. И так понятно, что старая бабка в коричневом пальто, собирающая пустые банки, ничего хорошего собой символизировать не может, – разочарованно фыркнул Ученик.

– Э-э, не скажите, мой друг! Давайте теперь посмотрим, что такое банка, а также – какие образы могут родиться из взаимодействия между женщиной и этим пустым сосудом.

В первую очередь, мы видим, что банка создана из металла. Металл, в отличие от дерева, всегда соотносится с мужским, агрессивным, экспансивным началом. Давя его ногой, женщина как бы побеждает мужское начало, берет над ним верх. Возможно, тут просматриваются элементы мести мужчине или мужчинам, которые встречались ей в жизни и, возможно, эту жизнь испортили.

Далее: банка имела форму, некий образ. Уничтожив эту форму, женщина создала новую, выступив интуитивным творцом, Демиургом, если угодно.

Третье: банка пуста в настоящий момент, но когда-то она была наполнена, причем наполнена спиртосодержащим веществом. Спирт по-латыни «аква вита», «влага жизни». Расплющивая банку, женщина бессознательно становится еще и уничтожителем некой жизненной силы, животворящего начала, и тут она выступает уже как олицетворение смерти.

Следующий весьма примечательный факт: некогда банка имела крышку, была запечатана. Но кто-то, скорее всего мужчина, эту крышку сорвал и выпил содержимое. Тут вам и намек на дефлорацию, и все та же тема потребления мужчиной чего-то для удовлетворения собственных эгоистических желаний, и опять – месть, но уже не мужчине, а той, что дарила ему наслаждение. Стало быть, вероятно, нашей героине приходилось сталкиваться и с адюльтером.

– Учитель, я поражен. – Ученик потупился. Помолчав, он спросил, невольно подражая своему наставнику:

– Но если даже такая простая ситуация дала вам столь богатую пищу для размышлений, то что говорить о других, гораздо более сложных и непонятных вещах, предметах, событиях? Получается – все на свете имеет массу смыслов и символов, и если научиться их видеть, то жизнь... расслоится?

– Она не просто расслоится, но и станет намного более понятной и постижимой. Впрочем, давайте-ка отложим наше философэ до другого раза, любезный Дмитрий Карлович. Мы уже опаздываем.

– Хорошо, Федор Анатольевич.

Никто не обратил особого внимания на худого белобрысого подростка и высокого костистого старика в шляпе и темном плаще. Митя Филиппов и граф Торлецкий прошли мимо топчущейся на давно расплющенной банке бабульки и затерялись в толпе пассажиров, спешащих к выходу со станции «Новогиреево»...

Пролог

– Тиш-ш-ш-е! Тише вы, криволапые! – Игорь Хижняк по прозвищу Коловрат обернулся и, выпучив глаза, погрозил кулаком в темноту: – Вожатка услышит – будет нам... посвящение!

– Не бойсь, – с натугой отозвался Марат Валеев, больше известный как Субудай. – А чем шипеть, помог бы лучше. Че раскомандовался, а?

– Э, братья, кончайте тарыхтеть! – Костя Егоров, он же Вий, с хрустом отодрал шипастую ветку боярышника от мешка с гнилушками. Мешок тащил Субудай, самый сильный из всей их компании.

Стараясь ступать как можно тише, пригибаясь к земле, трое ребят прокрались в густой тени здания столовой к изгороди. Тут, возле высокой лиственницы, они остановились, присев на свежеструганные бревна, предназначенные для ремонта забора.

– Уф-ф... – прошептал Субудай, свалив мешок в высокую темную траву, – я чуть не надорвался!

– За оградой я понесу, – деловито буркнул Коловрат и шмыгнул носом.

– Времени-то сколько? – Вий, в отличие от друзей, выперся на посвящение в шортах и теперь яростно чесал искусанные злыми таежными комарами ноги.

Коловрат оттянул рукав штормовки. Блеснули зеленым фосфорическим огнем крохотные цифирьки «командирских» часов.

– Ого! Зырьте, братья, уже половина двенадцатого! Все, пошли! Костян, сетку отогни...

Вцепившись в мешок и изогнувшись всем телом, Коловрат с пытением потащил его к сетчатому забору лагеря. Вий и Субудай вдвоем приподняли упругую рабицу, открывая потайной пионерский лаз. Вскоре все трое уже пробирались по таежной тропинке, что вела, петляя меж стволов вековых лиственниц и пихт, через заросли дикой малины, через крапивники и настоящие джунгли волчьего лыка, к заветной полянке. Там, возвышаясь над ковром жухлой хвои, тунгусским идиолом торчал сожженный много лет назад молнией корявый кедр.

Шумела тайга. Таинственно блистали сквозь черное шевелящееся кружево ветвей холодные звезды. В траве шуршали бурундуки и мыши, где-то далеко, должно быть, на берегу Иркуты, перекликались кедровки.

Тропа сделала последний поворот и вывела ребят на поляну.

– Ну, теперь только бы Ленька не подвел! – весело хлопнул в ладоши Коловрат, первым включая фонарик. – Давайте гнилушки вязать, быстрее!

* * *

Их компания начала складываться давно, еще в третьем классе. Коловрат и Субудай учились в одной школе, сидели за соседними партами, да еще и жили в одном подъезде, правда, на разных этажах. Ничего удивительного, что ребята чуть ли не ежедневно собирались у Игоря дома поиграть в солдатиков. Поветрие тогда такое пошло среди иркутских пацанов – солдатики. До этого были проволочные шпаги, значки и марки, самострелы из резинки и прищепки, пробки от бутылок, рогатки с алюминиевыми пулями, а теперь вот – солдатики.

Одноклассники копили пластмассовые и оловянные армии, менялись, покупали и продавали штампованных и литых крохотных воинов. Особенно ценились «объемные» викинги, пираты, «ковбойцы» и гэдээровские резиновые индейцы.

Но если большинство знакомых Коловрата и Субудая просто собирали солдатиков, как взрослые коллекционеры собирают этикетки от спичечных коробков, трубки или модели автомобилей, то друзья использовали свои игрушечные армии по прямому назначению – они разыгрывали на зеленом Хижняковском паласе настоящие сражения.

Поначалу отряды пехоты и кавалерии просто расставлялись на полу, и друзья, устроившись в тылу своих войск, по очереди катали стальной шарик от подшипника в неприятельскую армию. Кто больше выбьет – тот и победил. Называлась эта игра «каталкой», и до поры до времени ребят она вполне устраивала.

Но однажды Субудай приволок из детской библиотеки здоровенную «Книгу будущих командиров». С ее страниц на пацанов дохнуло военной историей, и они, как замороженные, принялись изучать стратегию и тактику древних полководцев.

Вскоре им понадобились другие книги – от Плутарха до воениздатовской «Истории боевого фехтования». «Каталка» была забыта. Друзья теперь целыми днями, послав на фиг уроки, разыгрывали реальные сражения древности – битву при Марафоне, Фермопильскую битву, побоище при Гавгамелах, битвы Пунических войн, битву на Калке...

Именно там, на Калке, которую изображала голубая бантичная ленточка, змеившаяся по зеленому паласу, Игорь и Марат заработали свои прозвища.

Игравший за русских и половцев Хижняк в решающий момент, когда тумены Джэбэ-найона и Субудай-багатура уже прорвались сквозь половцев князя Яруна, опрокинули волынцев князя Даниила и обратили в бегство князя Мстислава Удатного, коварно высыпал на берег Калки кучу доминошек и торжественно провозгласил:

– Но тут из-за приречных холмов во фланг монгольской конницы ударил отряд Евпатия Коловрата, вовремя подошедший из Рязанского княжества!

Это было, конечно же, не совсем по правилам, точнее, вовсе не по правилам, но очень уж не любил Игорь проигрывать. И очень уж ему было обидно за глупых, но все же своих, русских князей, которые дали разбить себя по частям.

Но и Марат Валеев тоже не любил проигрывать. А по части военной хитрости и коварства ничуть не уступал своему другу. Поэтому, упрямо наклонив лобастую голову, он выдернул из конной монгольской лавы оловянного всадника и быстро сбил им главную доминошку с двенадцатью белыми точечками, выкрикнув:

– В ответ на это непобедимый Субудай, не зря прозванный багатуром, вызвал Коловрата на поединок и снес ему голову любимым двуручным китайским мечом да-дао, после чего рязанцы были рассеяны и посечены стрелами!

– Ты!.. – завопил Игорь, вскакивая: – Нечестно так! Субудай никогда бы не победил Коловрата!

– Победил бы! Монголы вообще самыми сильными были! – Марат поднялся и встал напротив, сжав кулаки.

– Ни фиги! Коло врата никто не смог одолеть, его только из этих... из метательных пороков убили! – Игорь переступил через расставленных солдатиков и вплотную подошел к другу.

– Это потому что Субудай тогда уже старым был совсем! – не уступил Марат, тоже шагнув вперед.

Видя, что переспорить упрямого приятеля не получается, Игорь перешел от слов к делу и засветил тому в глаз. Марат в долгу не остался – врезал защитнику земли Русской в челюсть.

И битва на Калке перешла в новую фазу – в личный поединок полководцев...

...Помирились они через три дня. Игорь, украшенный двумя фингалами, шмыгая опухшим носом, первым пришел к Валеевым, позвонил в дверь:

– Здрасьте, тетя Гузель! А Марат дома?

– Дома, дома, – усмехнулась в ответ Субудаева мама, пропуская гостя в квартиру, и крикнула: – Маратик, тут к тебе твой... друг пришел!

– Здорово... – буркнул Игорь, входя в комнату, где не менее фингалистый Марат валялся с книжкой на диване.

– Здорово...

– Я «Энциклопедию холодного оружия» достал. Правда, на немецком, но там картинки четкие. Пошли, позырим?

– Неохота че-то, – и Марат уткнулся в книжку.

– Да ладно! Они, наверное, равные были. Ну, по силе равные. Субудай твой и Коловрат!

– Субудай сильнее!

– Дурак ты, он же монгол, а они все маленькие и кривоногие!

– Сам ты дурак!..

И быть бы тут второму сражению, да с кухни донесся голос Маратовой мамы:

– Мальчики! Идите чай с беляшами пить!

За чаем и помирились. И стал Игорь Хижняк Коловратом, а Марат Валеев – Субудаем.

Через год в их компанию влился Ленька Черкасов, пришедший в класс к Коловрату и Субудая, имея за плечами не только репутацию хулигана, но и прозвище «Робин Гуд».

Хулиган оказался большим любителем и знатоком истории средних веков, парнем честным и надежным. В «трудные» его зачислили исключительно из-за характера – не мог Ленька пройти мимо явной несправедливости! Ну никак! А что такое несправедливость в мире десятилетних? Ясное дело – когда трое на одного, когда тот, кто постарше, отнимает у тех, кто помладше, деньги и всякую всячину... Взрослым обычно недосуг разбираться, кто прав, кто виноват. Подрались дети – все хулиганы значит. Всех на учет в детскую комнату, всех в «трудные» записать – и гора с плеч...

Последним к «историкам», как называли в школе их троицу, прибился Костя Егоров. Худенький, бледный, вечно простуженный мальчик потихонечку, на троечки учился себе в параллельном классе, и до поры до времени на него никто не обращал внимания.

Познакомились ребята случайно: как-то раз, по весне, Коловрат, Субудай и Робин Гуд отправились в Рабочее – район на окраине Иркутска с дурной славой, весь застроенный бараками и частными домами. Дома эти, по большей части серые приземистые развалюхи сто- и более летнего возраста, активно ломали, чтобы возвести на их месте новые пятиэтажки.

Целью похода «историков» были поиски всевозможных старинных вещей, а если точнее, то старинного оружия, которое свободно могло отыскаться среди руин.

– Казацкие сабли, кистени разбойничьи, пищали там разные, гаковницы, – размахивая руками, фантазировал Субудай, – Иркутск же первопроходцы основали, всякое могло потом в домах их потомков остаться...

Но полдня пролазив среди груд битого кирпича и куч сгнивших бревен и досок, друзья обзавелись лишь коллекцией чугунных утюгов и ржавых замков. Правда, Робин Гуду посчастливилось отыскать обломок косы, но считать ее старинным оружием можно было с большой натяжкой.

Под вечер голодные, грязные и уставшие «историки» двинулись восвояси. И тут на них в узком проулке, между двумя высоченными дощатыми заборами, накинута стая огромных мохнатых псов.

Полудикие собаки в ту пору стали настоящим бичом иркутских предместий. Хозяева сносимых домов, переезжая в новые квартиры, своих цепных сторожей попросту гнали на улицу, а там пса уже ждала стая его вечно голодных собратьев. Мелких и слабых съедали, сильные и свирепые пробивались в вожаки. Жестокый естественный отбор в короткие сроки привел к тому, что в окрестностях города появились сотни волкодавов, опасных для всего живого. В газетах писали о неоднократных случаях нападений на людей, а иркутяне шепо-

том рассказывали друг другу леденящие кровь истории о сотнях покусанных и десятках съеденных заживо.

И вот такая стая – никак не менее двадцати здоровенных псов с оскаленными пастьми – напала на троицу «историков» среди руин Рабочего.

Отмахиваясь палками и антикварными утюгами, друзья попытались бежать, но псы оказались быстрее и проворнее. Вот уже собачьи клыки с треском рвут брюки Субудая, вот уже Робин Гуд орет благим матом, изо всех сил колотя вцепившуюся ему в ногу зверюгу тем самым обломком косы, а Коловрат, прижавшись к забору и побледнев, прячет за спину окровавленную руку...

Когда дело приняло совсем скверный оборот, когда ребятам стало страшно по-настоящему, до смерти, которая и впрямь замаячила совсем рядом, пришло неожиданное спасение.

За спинами рычащих псов возник худенький пацан в резиновых сапогах и телогрейке – традиционной одежде обитателей Рабочего. Он что-то крикнул, а потом вдруг заворчал утробным, низким, нечеловеческим голосом, грозно надвигаясь на ошалевших собак.

Поджав хвосты и подвывая от страха, враз превратившиеся из волкодавов в облезлых шавок, псы быстро разбежались кто куда.

– Уф-ф! – Коловрат сполз по забору вниз и уселся прямо на землю. – А я уж думал...

– М-мамка м-мня уб-бьет за ш-штаны, – лязгая дрожащей челюстью, проговорил Субудай.

– Погоди-ка, – Коловрат поднялся, подошел поближе к их спасителю, стоявшему поодаль, – Слушай, ты же в нашей школе учишься, да? Как зовут-то?

– Константином, – тихо, но с достоинством ответил парнишка. – А на улице Виём...

– Почему Виём?

– А я веки умею выворачивать. И заговоры разные знаю. Меня бабка научила, – серьезно ответил худенький Константин.

– Ноги надо делать, братья! – оборвал их Робин Гуд и повернулся к парнишке: – Эй, пацан! Как тут к трамваю быстрее пройти?

– Это не пацан, – улыбнулся Коловрат, – это Костя Вий! Будешь с нами ходить, Вий?

– Буду, – спокойно кивнул Костя и добавил: – Я давно хотел. Только случая не было...

* * *

В пионерский лагерь «Юный геолог» четверо друзей попали, закончив шестой класс. Достать путевки помогла Ольга Валентиновна, мама Игоря, работавшая председателем профкома в Иркутском геологическом управлении. Поначалу путевка была всего одна и предназначалась она любимому чаду, но чадо твердо заявило:

– Я без пацанов никуда не поеду!

Ольга Валентиновна вздохнула, но, зная непреклонный характер сына, «выбила» еще три места.

Первую смену «историки» откровенно балдели. Для двенадцатилетних пацанов лагерь был сущим раем: кругом тайга, горы, рядом речка Иркут. Пионерские дела и заботы друзья сразу пустили побоку, а чтобы лагерное начальство особо их не доставало, добровольно приняли на себя общественную нагрузку – создали кружок юных историков, время от времени проводя шумные сборища, именуемые научным словом «семинары».

Старший методист Алла Эдуардовна Горошко попыталась было проконтролировать деятельность КЮИ, но на первом же заседании кружка ее вмиг уличили в незнании таких элементарных вещей, как национальный состав Первого крестового похода и доводы противников Норманнской теории, и методистке пришлось ретироваться с позором.

Впрочем, зла на ребят Алла Эдуардовна не затаила. Ее в тот момент волновали более важные вещи, – например, понравилась ли ее новая прическа физруку и не приревнует ли его вожатая первого отряда Райка Кузнецова...

Но Алла Эдуардовна не была бы старшим методистом, если бы не устроила «историкам» мелкую пакость – объявила, что в начале второй смены КЮИвцы должны прочитать всему лагерю лекцию по истории родного края.

На этой лекции, где с докладами о первопроходцах, об основании города Иркутска, о декабристах и об обычаях и верованиях аборигенного населения Восточной Сибири выступили Коловрат, Субудай, Робин Гуд и Вий, ребята впервые увидели новеньких девчонок из своего третьего отряда. Те сидели в самом первом ряду, все время хихикали, шушукались и откровенно скучали.

После лекции угрюмые «историки» отловили возмутительниц спокойствия и в лоб спросили – чего такого веселого они говорили?

– Да ваша эта история – тоска смертная! – смело заявила в ответ симпатичная Наташа Севостьянова.

– У тех, кто ковыряется в прошлом, будущего не будет, – нагло поддержала подружку смешливая Римма Глазко.

– И вообще: мы историей не интересуемся! – решительно тряхнула косами Аня Ефимцева.

– Чем же вы интересуетесь? Журналом «Бурда» и тем, сколько мужей было у Аллы Пугачевой? – ехидно спросил Коловрат.

– Фантастикой, – хором ответили девочки.

– Ну и дуры! – грозно выпалил Робин Гуд, сжимая кулаки. – Что фантастика, что сказки – чепухня это все на растительном масле.

– Это вы – дураки! – упрямо топнула ногой светленькая Наташа. – Без фантастики человечество вообще бы не развивалось! Научно-технический прогресс писатели-фантасты придумали. Все-все – от радио и паровой машины до подводных лодок и полетов в космос! Эх вы, историки, э-ле-мен-тар-ных вещей не знаете.

– Знаем мы, – не отступил Коловрат. – Только и без знания истории человечество обречено вновь повторять свои ошибки. Это, между прочим, всем известно!

– Ладно-ладно, – Римма Глазко стрельнула шальными глазками в сторону топчущегося Субудая, отчего тот вдруг зарделся как маков цвет. – А вот докажите, что знание истории помогло людям продвинуться вперед... Ну? Чего вы молчите?

– Ага! – торжествующе засмеялась Аня и повернулась на одной ножке. – То-то! И впредь просим звать нас не по именам...

– А как? – вытаращились пацаны.

– Меня зовут Ния... – томно произнесла Римма.

– Я – Алиса! – отчеканила Наташа.

– А я – Аэлита, – улыбнулась Аня. – Ну все, чао, мальчики!

И довольные собой, подружки убежали на ужин. «Историки» нога за ногу двинулись следом.

– Д-а-а-а... Сделали они нас! – грустно пробормотал Субудай и пнул ногой сосновую шишку.

– Ния! Иди на Астру! Алиса! Миелофон! Аэлита! Не приставай к мужчинам! – козлиным голосом проорал вслед девчонкам Робин Гуд и смущенно повернулся к друзьям: – Дуры они! Не понимают...

– А давайте им устроим... – заговорил молчавший все это время Вий.

– Чего ты им устроишь? – буркнул Коловрат.

– Посвящение устроим! Есть у меня одна идея. Пошли в беседку, расскажу! – и Вий потащил товарищей прочь от столовой, на ходу быстро что-то говоря вполголоса...

* * *

Гнилушки, два дня впитывавшие солнечный свет на плоской крыше пионерской бани, полыхали в темноте мертвенным, тревожным, пугающим бледно-зеленым светом. Ребята закрепили их вокруг огромного вытянутого дупла таким образом, что получилась жуткая светящаяся личина то ли лешего, то ли древнего тунгусского бога.

– Зеркала не потопчите! – больше для порядка, чем по делу, проворчал с кедра Субудай, привязывая последнюю гнилушку.

– Не бойсь! – успокоил его Вий. – Целы твои стекляшки.

Марат переживал за зеркала не только по причине ответственного характера, но еще и потому, что это была его придумка. Восемь больших осколков от длинного старого зеркала, что многие годы пылилось в прихожей штаба дружины и «нечаянно» разбилось накануне, образовывали на земле полумесяц, а множество мелких кусочков, приклеенные эпоксидкой внутри дупла, создавали вогнутую зеркальную поверхность.

В момент, когда строптивые девчонки уже отойдут от гнилушечной морды, сидящий в засаде Вий дернет за капроновый шнур, и в дупле вспыхнет красный фальшфейер, стыренный историками еще в самом начале первой смены у физрука.

Отброшенный вогнутым дупляным зеркалом яркий свет отразится в зеркальном полумесяце и осветит прибитый на самом верху обожженного кедра пустоглазый череп изюбря с длинными желтыми зубами.

– ...И полная луна заглянет в их остекленелые от ужаса глаза. Тут они и уделаются! – радостно потирая руки, фантазировал Коловрат, – завизжат на всю тайгу – и рванут куда глаза глядят! А мы будем их потом спасать по всей округе. Четко, братья?

И братья весело кивали:

– Четко!

* * *

Ленька-Робин Гуд все сделал, как в аптеке – точно по плану. Пробравшись в девчачью палату, он умудрился и переполох не вызвать, и на вожаток не напороться.

До полуночи оставалось три минуты, когда сквозь шум деревьев слышались приближающиеся к полянке голоса.

– Атас, пацаны! Ведет! – прошипел Вий и бесплотной тенью скользнул в заросли – к заветному шнуру.

Коловрат и Субудай перемигнулись, погасили фонарики и разбежались в разные стороны, скрывшись за деревьями. Когда вспыхнет фальшфейер, они должны будут заорать порезче да погромче – «для усиления эффекта», как мудрено выразился Вий.

– Ну и где этот ваш сюрприз? – прорезался сквозь таежный гул голосок Наташи-Алисы.

– Еще десяток шагов, – без эмоций, сухо, чтобы не отвлекать, ответил Ленька и, не удержавшись, все же добавил: – Трепещите, дурочки! Сейчас вы узнаете всю силу богов и духов этой вечной земли...

– Ой, господи! – ахнула Аня-Аэлита, различив среди ветвей зеленоватое свечение гнилушек. – Это что, мозаика? Фосфор?

– Сама ты... – возмущенно завелся Робин Гуд, но его перебила Римма-Ния:

– Ка-а-ак ми-и-ило! Это ж портрет нашего баяниста!

Девчонки приснули – лагерный баянист Петр Васильевич Попов был бурятом, и узкоглазая светящаяся рожа действительно здорово на него походила.

Вообще-то слово «Полночь!», служащее сигналом для Вия, должен был демоническим голосом крикнуть Робин Гуд, но он совершенно растерялся и бестолково топтался между хохочущими подружками, мыча что-то неразборчивое.

В критический момент, как известно, ответственность на себя берет не тот, кто сильнее, главнее или старше. Нет, это делает тот, кто соображает лучше. Ну, и еще тот, кто думает, что лучше соображает...

Видя, что посвящение буквально под угрозой, Костя Вий покрепче намотал на руку розоватый шнур и сам себе подал сигнал, фальцетом выкрикнув:

– Полночь!

Следом с шипением и треском вспыхнул фальшфейер. Осколки дружинного зеркала из дупла раскидали по кустам множество дискотечных зайчиков.

– У-у-у-у! А-а-а-а-а! – завопили из кустов Субудай и Коловрат.

Девчонки зашлись от хохота и повалились на усыпанную хвоей землю.

– Дуры!! – в отчаянии заорал расстроенный Робин Гуд и топнул ногой.

– Че делать-то? – обалдело озираясь, спросил выбравшийся из зарослей Вий, – мне все коленки искушали!..

Полыхал фальшфейер. Несостоявшиеся жертвы «тунгусского бога» уже не могли хохотать и тихо кисли от смеха, размазывая по щекам слезы.

Зеркальный полумесяц на земле отражал все, что угодно, только не красное пламя, ярящееся в дупле.

– Сейчас загорится. Тушить надо! – деловитый Субудай, уже в амплуа пожарного, выскочил из темноты и кривой веткой лиственницы ткнул в дупло, пытаясь скovyрнуть фальшфейер. Тот сместился в сторону и наконец-то отразился в кусках зеркального стекла. Красные неровные световые столбы на секунду ударили в ночное глубокое небо и погасли. Фальшфейер вывалился из дупла и зашипел в сырой траве у подножия старого кедра.

– Смотрите! – вдруг завопили Коловрат и Вий хором. Все вскинули головы вверх – и замерли, пораженные.

Там, среди тысяч холодных, равнодушных ко всему на земле звезд, быстро разгоралось синее зловещее колечко. Вот оно налилось почти физически ощутимой ненавистью к темноте, раскалилось добела, окуталось зубчатым ореолом...

И тотчас же в небе возникли серые, полупрозрачные облака идеально круглой формы и вопреки всем атмосферным законам, начали стремительно расширяться, стремясь заполнить собой все пространство над головами притихших ребят.

– Что это?! – выдохнул Коловрат. Ему никто не ответил.

Жутковатые облака тем временем слились в сплошную мгlistую пелену, сквозь которую просвечивали тусклые звезды. Лишь прямо над старым кедром оставался неровный кусок чистого неба, посреди которого лучилось бело-синее кольцо.

– Может, это спутник какой-нибудь? – неуверенно предположила Аэлита.

– Или эксперимент космический? – поддержала подругу Алиса.

И тут сияющее кольцо бесшумно взорвалось, выбросив во все стороны змеящиеся протуберанцы. От нестерпимого света у ребят заслезились глаза, а тайга вокруг стала черно-белой, изумительно четкой и контрастной.

– Бежим! – отчаянно закричал Вий, и они побежали, охваченные страхом и подгоняемые бьющим в спины мертвенным светом, льющимся с небес.

Знакомая тропа вскоре куда-то подевалась, под ногами затрещали сухие ветки. Лиственницы и кедры сменились частым сырым осинником, потом в темноте забелели стволы берез.

Неожиданно жуткий свет погас – как отрезало. Остановившись, ребята нелепо вертели головами, пытаясь хоть что-то разглядеть в кромешной тьме.

– Куда это нас занесло? – удивленно пробормотал Субудай.

– Мы, наверное, лагерь слева обошли, – дрожащим голосом ответила Ния. – Ой, дождик!

В самом деле начал накрапывать мелкий, нудный дождь. Точнее, даже не дождь, а так, морось.

– А вдруг он радиоактивный, как в Чернобыле? – предположил Вий, и на него тут же накинулись:

– Молчи лучше!

– Умник!

– Без тебя тошно!

Столпившись под раскидистой кривой рябиной, и устроители сюрприза, и их предполагаемые жертвы молчали, ожидая чего-то. Коловрат и Субудай шарили вокруг лучами фонарей, но желтые световые круги выхватывали из мрака лишь мокрые листья – листья, листья, одни только листья, и больше ничего...

– Стоп! – Коловрат погасил фонарь и хлопнул ладонью по гладкому, как будто покрытому коричневой лайкой, стволу дерева. – Давайте все же обсудим...

– А че обсуждать-то? – фыркнула Алиса, – Заблудились мы. В трех соснах заблудились.

– Тогда уж в трех кедрах, – усмехнулся Вий.

– Глаза разуйте! – вдруг заорал Субудай, и луч его фонаря снова заметался по веткам, как живой. – Нет тут ни сосен, ни кедров! И лиственниц нет! Во – рябина! А там – береза! А это – вообще липа! Липа!

– Да какая это липа! – неуверенно заспорил Коловрат. – Это этот... как его... э-э-э... Американский клен, вот!

– В тайге не растут американские клены, – тихо сказала Аэлита.

– Так! Все, хватит! – Коловрат тоже зажег свой фонарь. – Если мы обошли лагерь слева, то нам надо идти во-он туда! А кто не хочет – сидите тут, ботаники юные. Лично я – пошел...

И он, сердито отодвигая мокрые ветки, зашагал прочь от рябины, ворча себе под нос:

– Липа, липа... Сами вы все – липа!

Ребята, коротко посоветовавшись, двинулись следом. Дождь кончился, но сквозь густую листву трудно было разглядеть, очистилось ли небо.

Вскоре стало ясно, что они идут под уклон.

– По-любому к реке выйдем, а вдоль нее и до лагеря доберемся, – успокаивающе гудел Субудай.

– Ох, и всыпят нам. Сюрприз, сюрприз... Вот устроит нам Алла Эдуардовна сюрприз... – не слушая его, сокрушенно жаловалась подружкам Алиса.

– Светает вроде, – ни к кому не обращаясь, заметил Вий.

– Ты че, дурак? Время – часа два ночи. Ой, а часы-то... – Коловрат остановился и продемонстрировал всем голое запястье.

– Потерял? – участливо спросил Субудай.

– Блин, теперь от предков еще будет.

– Да найдешь ты свои часы. Там они, у вашего дурацкого идола и валяются, – Ния подтолкнула Коловрата вперед. – Давайте быстрее, может, в лагере еще не заметили, что нас нет.

– Точно – светает! – крикнул ушедший вперед Вий. – И лес кончился! Пацаны! Тут поле...

...Удивленно озираясь, ребята выбрались из мокрых зарослей невесть откуда взявшейся лещины на опушку. Небо розовело рассветными облаками, над широким вспаханным полем,

уходящим в сизую даль, слоился туман, и в его мглистых глубинах мелькали тени ширококрылых птиц.

Справа лес загибался подковой, охватывая собой небольшой язык пашни, по краю которой вилась узкая желтая дорога, пропадающая среди темных, мрачных деревьев, меж которых густилась неохотно отступающая ночь.

– Глядите! – Робин Гуд изумленно ткнул пальцем в сторону дороги: – Люди! Всадники!

– Прячемся! – Коловрат ухватил отошедшего от зарослей Субудая за подол штормовки и потащил назад.

Ребята едва успели скрыться среди широких бледно-зеленых листьев, как на дороге появились первые верховые.

– Кто это?... – хором удивленно прошептали девочки.

– Не з-знаю, – заикаясь от удивления, тоже шепотом ответил Субудай. Остальные пораженно молчали. Такого видеть не приходилось никому, – ни в жизни, ни в кино, ни на картинках...

Из лесу, по трое в ряд, не спеша выезжало войско. Или дружина. Или отряд. В общем, явная боевая единица. Но вот какой армии?

Первое, на что обратили внимание двенадцатилетние знатоки военной истории, – это кони неизвестных воителей. Общее мнение очень точно выразил Ленька-Робин Гуд:

– Да это ж не лошади совсем! У них копыта... двойные!

И верно – ниже черных кожаных попон, что скрывали бока диковинных скакунов, в дорожную грязь ступали широкие раздвоенные копыта, наподобие бычьих.

Шеи животных покрывали стальные пластины. Металлические бляшки с длинными тонкими шипами, нашитые спереди на попоны, создавали впечатление вздыбленной шерсти, а кольчужные маски на вытянутых мордах и укрытые кожаными чехлами странные приспособления на головах делали зверей похожими на жутких страшилищ из кошмарных снов.

Под стать своим коням оказались и всадники. Завернувшись в серые суконные плащи, в седлах покачивались угрюмые люди в вороненых квадратных шлемах с рогами. У каждого за спиной – ружье с необычайно длинным дулом, на боку – широкая кривая сабля. Средний в первой тройке всадник косо держал обвисшее темное знамя.

В гробовой тишине странное войско двигалось по дороге, вытягиваясь из леса, точно кольчатая черно-серая змея. Не подавали голосов жуткие кони, не переговаривались верховые. Лишь тяжелая поступь двупалых копыт ощутимо сотрясала землю.

Неожиданно налетел ветер. Зашумели деревья, взбаламутился и расползся туман над пашней, зашевелилось и развернулось знамя...

– «Чести моря дружка Голомяни наряд стольника Жима», – по слогам негромко прочитал Вий золотые буквы, заблестевшие на черном бархате.

– А это... – Субудай ткнул в человеческий череп, прихваченный блестящими скобами прямо к знамени, – это, наверное, и есть сам друж Голомяня...

– Ой, мамочки! – всхлипнул за спиной у Коловрата кто-то из девчонок. Игорь сердито обернулся и вдруг понял, что это голос Вия. Костя, побледнев, смотрел вовсе не на наряд стольника Жима, тянувшийся по дороге, а в сторону, на поле.

Там, среди взрытой плугами черной земли, откуда ни возьмись возник невысокий толстый мужик. Мужик – как мужик, коренастый, на актера Леонова похож со спины. Но вот было в нем что-то... Что-то такое, что заставило ребят прикусить языки и сбиться в кучу, таясь в лещиннике.

А дальше произошло и вовсе страшное. Передовые всадники заметили толстяка – и словно очнулись ото сна! Затрепетало на крепчающем ветру черное знамя. Запели протяжно медные дудки, и по всей колонне прошло слитное движение, сопровождающееся лязгом и скрежетом.

«Наряд стольника Жима» разворачивал своих скакунов, явно намереваясь всей немалой силой атаковать одинокого толстяка, глупо торчащего посреди поля.

Полетели в стороны кожаные чехлы, и ребята увидели, что головы странных животных венчают такие знакомые, такие понятные и простые для каждого сибиряка развесистые рога!

– Да это ж лоси! – облегченно выдохнули все разом, а Вий добавил: – Ну факт, обычные лоси, только верховые! Я слышал, их на фермах разводят. И молоко у лосих питательное, лучше коровьего...

Одинокий человек на поле между тем сбросил с плеч котомку, и разговоры сами собой умолкли. Холодом и чем-то запредельным, пугающим повеяло с пашни. И больше всего страшило то, что почти пять десятков вооруженных мужиков верхом на боевых лосях собирались атаковать одного-единственного человека. Собирались всерьез – всадники укрепляли свои длинноствольные ружья в развилках лосиных рогов и целились. Все – в одного!

– Они его боятся. Очень! – проговорила Алиса. – Но их же так много...

– Кро-о-ой! – резко и пронзительно провизжал тот, что держал знамя. Длинные ружья дружно плюнули огнем, лоси вздрогнули, попятиться... И тут же слитный пронзительный вой заставил ребят помимо их воли броситься в мокрую лесную траву.

Воздух вокруг толстяка словно вспыхнул. Дохнуло жаром. Огненное марево накрыло широко расставившего ноги человека, пронеслось по-над полем – и пропало.

– Смотрите – не попали! – с удивлением прошептал Вий.

– Круши!! – выхватывая саблю, снова завизжал предводитель наряда, и широкие лосиные копыта ударили в пашню. Понукаемые всадниками, рогатые скакуны размашистой рысью бросились вперед. Лязгающий вал покатился по полю, и казалось, остановить его не сможет даже установка «Град», куда уж там смешному неуклюжему толстяку!

Но сам он, похоже, думал иначе. Спокойно запустив руку в котомку, человек вытащил оттуда горсть желтых костяных фигурок – и широким жестом пахаря бросил их впереди себя.

Несколько секунд все оставалось по-прежнему. Неслись вперед хрипящие лоси, вопили что-то непонятное всадники, крутя саблями над головами, дрожала и стонала земля...

Когда передним лосям осталось пробежать всего три десятка метров до загадочного толстяка, земля у них на пути вдруг ожила, зашевелилась, задвигалась и прямо из ее жирных комьев ввысь рванулись настолько жуткие создания, что Коловрат заткнул себе рот рукой, чтобы не закричать от страха.

Слепо поводя тупыми безротыми мордами, на пути несущегося в атаку наряда встали полтора десятка единорогих обезьяноподобных монстров с огромными широкими лапами, ошетилившимися метровыми когтями. Каждый – с двухэтажный дом ростом, они неспешно сомкнули строй и, выпятив вперед свои длинные витые рога-пики, двинулись навстречу летящей лосиной коннице.

– Сейчас будет сшибка, – деревянным голосом заворуженно прокомментировал Субудай. И в тот же миг враги схлестнулись в бешеной схватке, от которой над всей округой повис неживой, замогильный стон.

Монстры, люди, лоси – все смешалось в яростном мельтешении клинков, рогов, когтей, стали и кожи. Черно-золотое знамя некоторое время помаячило над сражением – и косым вороновым крылом кануло вниз, под лапы и копыта дерущихся.

Вначале казалось, что воины стольника Жима сомнут чудовищ. Отчаянно рубя направо и налево, всадники вроде бы начали теснить однорогих созданий, но те вдруг дружно вскинули головы – и ударили по врагу всей своей мощью!

И сразу стало ясно, кто действительно сильнее...

Ревели пропоротые насквозь лоси – от страшных костяных пик не спасали ни кожа, ни железо доспехов. Кровь фонтанами била во все стороны, щедро кропя привычную ко всему землю.

Орали люди, еще пытаясь пробиться сквозь строй монстров, прорваться к их усмехающемуся в стороне хозяину. Мелькали сабли, оскаленные лица, черные рогатые шлемы. Но широко загребая огромными лапами, чудовища мерно косили и косили своими когтями живых людей. Косили, пока не выкосили всех, без остатка...

И тут над полем наступила такая тишина, что стало слышно, как булькает текущая из ран кровь и тихонько урчит и стонет что-то в животах поверженных лосей...

Толстяк щелкнул пальцами. Его страшное воинство, нелепо поводящее окровавленными лапами над горой трупов, тут же исчезло, ушло в землю.

А потом он вдруг повернулся к зарослям, в которых прятались ребята, и негромко, как бы между прочим, сказал:

– Сюда ходите. Костяшки собирайте да ложьте в суму. Шорохом!

Глава первая

«Если вам скажут, что Лондон – город туманов, не верьте. Мало того, можете смело плюнуть в рожу человеку, сказавшему вам такое, ибо он – записной лжец.

Туман – это нечто зыбкое, невесомое, романтически-притягательное и мистически-пугающее. В нем нет четкости, нет границ и очертаний.

*Туман – гонец дождливых дней,
Он пуст для взглядов и теней.
Он полон только тишиной
И умирающей листвой...*

И город, в котором бывают такие туманы, должен быть под стать этому хрупкому, бес-телесному образу. «Вот с гор наплзает волглая мгла, сизые ленты ее затапливают улицы, шевелящимся мороком поднимаясь вдоль стен домов, и вскоре позеленевшие шпили башен и острые черепичные крыши домов скрываются в призрачной пелене...»

А Лондон – это город чугуна и камня. Романтики в нем не больше, чем в хот-доге. Британцы умудрились регламентировать все, даже неформальные молодежные движения. Дисциплина у них царит везде, в том числе и на корпоративных пьянках. Чопорность здесь – неременный атрибут поведения даже у бомжей. И пресловутый лондонский снобизм тоже имеет свое лицо. Что характерно – оно удивительно похоже на лоснящееся от жира дно сковороды, на которой только что испекли традиционный английский пудинг, жуткую, кстати, гадость...»

Вадим Завадский с трудом удержался, чтобы не набить на клавиатуре ноутбука: «как и все здесь». С омерзением на лице он перечитал написанное, стиснул зубы и решительно стер из файла все строчки, за исключением первой, а потом и вовсе отключил компьютер.

Лондон, Лондон... К исходу второго месяца работы в «гнезде» ненависть к этому городу переполняла Вадима, и он готов был вступить в ИРА, Аль-Каиду, в какие-нибудь бригады каких-нибудь мучеников, лишь бы только получить возможность стереть с лица Земли кубический фаллос Биг-Бена и зубчатый частокол Вест-Министра, виселицу Тауэр-Бриджа и, сам похожий на перевернутый вверх ножками стул, Тауэр.

«Это пройдет, – сказал себе Вадим, ложась на кровать и поджимая колени к подбородку: – К вечеру это уже пройдет. А потом будет ночь без сновидений и утро. Чашка кофе, любимая яичница с ветчиной, пончики – и вперед, на смену!»

– Господи! – вслух произнес он, закрыв глаза. – Как же мне это все надоело. Если бы не хэм-энд-эггз, я бы, пожалуй, повесился...

...Четыре месяца назад, когда Вадим Завадский летел в столицу туманного Альбиона, ему казалось, что наказание, наложенное на него Великим Кругом, сродни такой ссылке за границу, каковой подвергались великие князья во времена расцвета дома Романовых.

Либертариум Великого Круга, самая обширная и самая полная библиотека из всех, когда либо существовавших на планете! Да это же просто мечта каждого мыслящего из живущих и смертных!

Вадиму грезилась бессонные ночи над древними манускриптами, предвкушение удивительных открытий, способных перевернуть всю историческую науку с ног на голову. Запах пергамента и книжной пыли щекотал его ноздри, когда он ехал в такси из аэропорта Хитроу. Пожелтевшие страницы, испещренные древними письменами, стояли перед его внутренним взором, когда он входил в коричневое неприметное здание Отдела Наблюдения, расположенное на Кромвель-роуд.

О, с каким звоном и грохотом разлетелась на куски его мечта! Вадим понял это, когда сухой лысоватый старичок-клерк, восседающий за лиловой конторкой, выдал ему предписание явиться в распоряжение эрри Кура, руководителя Комиссии по темпосканингу.

Вадим Завадский ехал познавать и совершать открытия за письменным столом. Но оказалось, что его ждет кайло и тачка каторжника...

Темпоральное сканирование, или, сокращенно, темпосканинг, воистину был самым изощренным, хитрым и зловещим изобретением Пастырей первого поколения.

Когда Вадим впервые спускался в «гнездо», ему хотелось выть от тоски и отсутствия перспектив, вырваться отсюда раньше окончания четырехлетнего срока.

Покинув лифт и пройдя по устланному толстым ворсистым ковром коридору, он нашел в себе силы улыбнуться охраннику, но тот, затянутый в традиционно черную униформу носатый валлиец, никак не отреагировал на это, молча приняв жетон и выдав взамен ключ-жест.

Войдя в «яйцо» – крохотный, два метра в диаметре, круглый кабинетик, Вадим уселся за пульт темпоскопа. Сунув голову в золотую полусферу транслятора, он вставил ключ-жест в гнездо, трижды, как учили, повернул, дернул рычаг...

В последний момент ему удалось пошутить:

– Всю жизнь мечтал от души покопаться в грязном белье Великого Круга...

* * *

Если кто-то думает, что выражение «и у стен есть уши» – это всего лишь фигура речи, то он глубоко ошибается. Уши, а также глаза и прочие органы чувств есть не только у стен, но и у одежды, мебели, предметов интерьера, посуды и даже у ваших собственных волос, ногтей, кожи и слизистой оболочки.

Главное – найти способ заставить все это говорить и показывать. Живущим и мертвым, понятное дело, это не под силу, а вот Пастырям по плечу и не такое.

Темпоскоп придумал еще в семнадцатом веке легендарный эрри Соллер, ученик и сподвижник Основавшего, первым доказавший возможность прикладного использования древних марвелов.

В основу созданного им аппарата легло знаменитое Зеркало Клеопатры, металлическая полированная пластинка, позволявшая наблюдать прошлое. По легенде, царица Египта с удовольствием смотрелась в него, всегда видя себя шестнадцатилетней.

Для работы темпоскопу необходимы темпоагенты – различные предметы, с которых прибор эрри Соллера считывает информацию и проецирует ее непосредственно в мозг оператора. Хочешь знать, чем занимаются твои приятели, коллеги, подчиненные, руководство, соседи или совсем чужие, незнакомые люди? Просто подбери немного пыли с их заднего двора, вытащи пару очисток из мусорного пакета, оторви клочок обоев в прихожей, соскреби засохшую краску со стены гаража. А потом помести все это в темпоскоп – и скрытая от посторонних глаз жизнь раскроется перед тобой, как увлекательная и местами шокирующая книга.

На словах все просто. Даже очень просто...

...Мерно щелкает большое зубчатое колесо. Рассеянный свет небольшой лампы не отражается в тусклой бронзе, и колесо кажется черным, будто бы закопченным в дыму адских печей.

Тянется, тянется из отверстия в стене бесконечная гирлянда-катена, похожая на цепь из небольших вытянутых герметичных пузырей. Ныне пузыри эти, называемые целлами, делают из латекса, а раньше, насколько помнил Вадим, их сшивали из пропитанных жиром бараньих кишок. Тогда в «гнезде» стояла жуткая вонь...

В каждой клетке находится темпоагент – песчинка, волосок, чешуйка краски, ниточка, щепка, сигаретный окурочок, капелька крови. Иногда встречаются весьма забавные вещи – рыболовный крючок, косточка персика, удаленный стоматологом зуб.

Но чаще темпоагенты вызывают у оператора вполне объяснимые чувства и позывы. В самом деле, когда ты различаешь сквозь желтоватый прозрачный латекс отрубленный скрюченный палец, использованный презерватив или сплюснутую пулю, покрытую бурой коркой засохшей крови, хочется отвернуться, закрыть глаза, подумать о чем-то ином, добром и светлом.

Но именно этого сделать и не получится. Темпосканер обречен на принудительное подглядывание через замочную скважину, ведущую в прошлое. Он сам – часть хитроумного механизма, самая важная и самая уязвимая его часть.

Вадим вспомнил вводную лекцию, на которой ему и еще десятку новичков объясняли, как важен для Великого Круга и всего человечества в целом темпосканинг, и какую нужную работу им предстоит выполнять. А в качестве иллюстрации показали короткий фильм с поясняющими субтитрами, записанный темпосканером – как пример. Вадима тогда очень впечатлило увиденное...

...На экране появилась некая комната. Вадим сразу почувствовал, что в ней стоит неестественная, вакуумная тишина. Титр внизу сообщил, что дело происходит летом 1944 года в Берлине.

Из освещенной прихожей в комнату вошли двое – молодой офицер в форме войск СС и старик, хозяин дома.

– У вас так тихо, – удивился офицер. Титр проинформировал, что его зовут Альбрехт Хаусхофер.

– Это оттого, что окна наглухо забиты ватными одеялами, – пояснил хозяин, высокий, седой, как лунь, старик с подагрическими узловатыми суставами. Относительно его личности зрителям ничего не сообщили.

– Так теплее? – понимающе кивнул Альбрехт, снимая форменный плащ и вешая черную фуражку на обломанные олени рога.

– Так спокойнее. Вы же знаете, геноссе, что говорят на этот счет большевики: «Свет в окне – помощь врагу!»

В небольшой комнате, заставленной старой, тяжелой, как память о кайзере, мебелью, тускло горела под потолком одна-единственная лампочка. Она почти не рассеивала мглу, лишь делая ее багровой, тревожной и мрачной.

Хозяин предложил Альбрехту кресло, сам уселся в скрипучую качалку, запахнув колени вытертым пледом. В углу сухо трещал динамиком большой напольный приемник в эбонитовом корпусе – начинались десятичасовые новости.

Трижды прозвучало: «Дойчланд, дойчланд, юбер аллес!», и бодрый, жизнерадостный, словно сперматозоид, диктор начал сыпать оптимистическими сводками с полей сражений:

«Сегодня, одиннадцатого июля тысяча девятьсот сорок четвертого года, нашим доблестным войскам удалось остановить продвижение противника на северо-восточном участке Центрального фронта и западнее крупного железнодорожного узла Столо-Бяница. На Западном фронте отбиты все попытки врага высадиться на правый берег реки Гаронны. Ефрейтор Риринг на своем „Тигре“ подбил двенадцать американских „Шерманов“, а экипажи еще одиннадцати в панике бежали, бросив свои машины. Это еще одно доказательство превосходства арийского духа и бронетехники над врагом.

Все население рейха с воодушевлением ждет новых победоносных новостей с фронта. Юные арийцы из организации «Друзья фюрера» пишут нам, что готовы в любой день отправиться на передовую и ценой своих жизней остановить продвижение большевистских орд на Востоке. По просьбе этих истинных патриотов и сынов фатерлянда мы передаем любимое

произведение нашего горячо обожаемого фюрера: фрагмент из трилогии Рихарда Вагнера «Кольцо Нибелунгов». Хайль Гитлер!»

Альбрехт дернулся. Старик, напротив, усмехнулся и понимающе кивнул – мол, все понимаю и не осуждаю, рефлекс. Комнату наполнили грозные, давящие звуки, и сразу как будто сгустилась мгла.

– Геноссе, будьте любезны – придушите этот звукоизвергатель! – не столько попросил, сколько потребовал хозяин. Когда наступила уже знакомая ватная тишина, он продолжил: – Ненавижу Вагнера. Только умственно ущербный человек может вслух заявлять о своей любви к этому шизофренику. Впрочем, мы отвлеклись...

– Прежде всего я хотел бы выразить вам глубокую признательность от своего имени и от имени тех людей, которых я представляю, за ваше участие в нашем общем деле! – Альбрехт встал, щелкнул каблуками, коротко, по-армейски, кивнул.

– Пустое, – старик закашлялся. – Когда в двадцать первом мы с Понтером, Карлом и Ульрихом буквально за хвост вытянули из алкогольно-педерастического болота этих мальчиков, что ныне пустили Германию под откос, никто не думал, что все обернется именно так. У меня внук, геноссе Альбрехт. Славный мальчуган, мой маленький Отто. Его отец погиб под Харьковом два года назад. Его мать лежит в госпитале в Целендорфе – бомбежка, обычное дело, – и врачи говорят, что шансов выжить у нее не больше, чем у нас выиграть войну. Я не хочу, чтобы его исковерканная с самого начала жизнь тоже легла на жертвенник лжемессии. Вот поэтому я с вами, геноссе. Вот поэтому я приготовил для вас все, о чем вы просили...

Старик жестом старого фокусника откинул полукруглую крышку старинного бюро, и на вытертом сукне столешницы тускло заблестел узкий медный цилиндр. Рядом лежало несколько листов бумаги, покрытых вычислениями и чертежами.

– Это мина? – тихо спросил Альбрехт.

– Нет. Это то, что вы, геноссе, заложите вовнутрь мины. А перед тем, как сделать это, вставьте вот сюда, – старик поднял оказавшийся довольно легким цилиндр и указал на отверстие в торцевом срезе, – катализатор. Видите, лежит на столе? Да, да, этот самый, похожий на карандаш. Но предупреждаю – осторожнее, катализатор весьма хрупок, а его размеры и целостность важны. Чем он длиннее, тем сильнее будет взрыв.

Со стуком вернув цилиндр на место, старик подхватил бумаги и уставился на Альбрехта немигающим совиным взглядом.

– Итак, геноссе, вот натальная карта фюрера, рассчитанная в тридцатом году самим Штайнером...

– Но он же умер в двадцать пятом! – вскричал пораженный Альбрехт.

– Тише! Прошу вас, геноссе, вы разбудите моего внука, – старик раздраженно пригладил редкие волосы и загадочно пробурчал, глядя в холодный камин: – Не вижу причин, почему бы Штайнеру не умереть в двадцать пятом, а в тридцатом не сделать фюреру гороскоп...

– Так что там напроорочил Штайнер? – успокоившись, напомнил о себе Альбрехт после минутной паузы.

– О, много! Очень много занятного! – оживился старик. – В первую очередь касательно войны в Европе, – все сошлось, все легло кирпич к кирпичу. А вот потом... В общем, расхождения начинаются с весны сорок первого. Штайнер утверждал, что войска рейха в этот момент должны были готовиться к высадке в Дувре, Портсмуте и заливе Уош, а на самом деле наш великий Адди загонял эшелон за эшелон в Восточную Польшу, готовясь к блицкригу с русским медведем.

Дальше – больше. Вместо успехов в крохотной Англии – те же успехи, но в гигантской России. Вместо полной капитуляции противника к концу октября – роковая битва в подмосковных снегах.

Ну, а дальше гороскоп Штайнера можно смело выбрасывать в макулатуру...

Мы с коллегами долго пытались понять – в чем просчитался наш гениальный Руди? Что не так?

Отгадка нашлась далеко не сразу, но она нашлась. Комета. Новая комета, открытая в сорок первом году. С/1941Q7. Она вошла в четвертый дом как раз весной того злосчастливого года. Я хорошо запомнил это потому, что мой малыш Отто вступил в «гитлерюгенд» именно в день, когда была открыта эта комета.

– Зачем вы все это рассказываете? – осторожно спросил Альбрехт, не сводя взгляда с медного цилиндра.

– Вы уж простите старого болтуна, геноссе, – почти униженно прошептал хозяин квартиры и протянул гостю другой лист: – Вот натальная карта фюрера, составленная с учетом всех нюансов. Видите? Видите?! Немезида в квадратуре с нисходящим Лунным узлом, оппозиционные и Солнцу, и Марсу, и Юпитеру. Вы знаете, что это обозначает? Это – смерть! Обратите внимание на дату, вписанную рядом.

– Это что же... но откуда вы узнали, когда мы... когда мы собирались... – пораженный Альбрехт вскинул голову, с изумлением и страхом глядя на своего собеседника.

– Мой друг, все уже предопределено. А хотите, я вам расскажу, что будет дальше? – старик взял в руки последний лист, сдвинул брови и прочел: «На чрезвычайном совещании в ставке группа молодых и энергичных армейских офицеров во главе с кем-то из пехотных генералов арестует и большую часть заговорщиков, и руководство рейха. Фюрер будет объявлен павшим от рук предателей, которые хотели гибели Германии в самоубийственной войне с дружественным ей русским народом. Немедленно будет заключен мир или временное перемирие с русскими на любых условиях. Одновременно все силы и вся мощь рейха окажутся брошены на решение одной задачи – нападения на Англию и захвата Лондона. Когда Великобритания окажется выведенной из войны, США приостановят активные боевые действия в Европе и начнут эвакуацию своих и союзных войск в Северную Африку или за океан...» Достаточно? Или продолжать?

Альбрехт, пораженный, молчал. Наконец он встал, вернул старику гороскопы и сказал, глядя в угол комнаты:

– Я не очень верю во все это. Однако я знаю, что в цилиндре. Вот вы обмолвились, что все предопределено. Тогда зачем? Все обязано произойти и без дополнительной... стимуляции, ведь так?

– Я сказал тогда и повторю сейчас: все предопределено. В том числе и это, – старик кивнул на бюро: – Забирайте его – и да хранят вас Донар и Водан, геноссе!

Вновь щелкнув каблуками, Альбрехт подхватил со стола цилиндр, сунул его в карман и шагнул к двери. Старик, с трудом поднявшись, пошаркал следом за гостем в прихожую – проводить.

Комната опустела, и в тот же миг в дальнем ее конце бесшумно отворилась еще одна дверь. Полоска багрового света упала в крошечную темноту, осветив типографский плакат «Воин Тысячелетнего рейха», потертый приклад карабина, фотографический портрет фюрера и худого, нескладного мальчишку лет двенадцати-тринадцати, стриженного на армейский манер и одетого в полосатую пижаму.

Лихорадочно блестя вытаращенными от страха глазами, он в несколько бесшумных прыжков преодолел комнату, еще хранившую запах табака и дорогого одеколона, оставшийся от гостя. Подняв крышку бюро, мальчик схватил черную палочку забытого катализатора.

Несколько мгновений он думал, озираясь по сторонам. Неожиданно из коридора послышалось: «Черт! Совсем вылетело из головы! Да, да, там, на бюро. О, не утруждайте себя, я вернусь и возьму...»

Побледнев, мальчик решительно прошептал «Хайль Гитлер!» и переломил палочку пополам. Одну половинку он сунул в карман пижамы, вторую положил на место и спрятался за спинкой качалки, присев и набросив на себя свесившийся плед.

Альбрехт быстрым шагом вошел в комнату, без сомнений цапнул с бюро половинку катализатора и так же быстро вернулся обратно. Спустя пару секунд в коридоре уже гремел дверной замок, а мальчик осторожно прикрывал за собой дверь в спальню...

* * *

На этом запись прервалась. На черном экране возник еще один титр: «...По консолидированному мнению сотрудников Денверской обсерватории, а именно мистера Аарона Мальковича и мистера Джошуа Вертсбери, и их коллег из Новозеландской королевской обсерватории мистера П. Л. Самуэльсона и мистера Г. Томби, комета C/1941Q7, открытая в 1941 году немецкими астрономами, объявляется исчезнувшей вследствие невыясненных причин и вычеркивается из всех реестров и справочников». Бюллетень Всемирного астрономического общества, июль, 1944 год, стр. 12».

На этом фильм закончился, и неофитам темпосканинга предложили самим догадаться о его содержании.

Осмысление пришло к Вадиму спустя несколько дней, когда он взял в библиотеке здоровенный том «Вторая мировая война. Хроника. Факты. Даты» на русском языке, и прочел там:

«...20 июля 1944 года, в полевой ставке Верховного командования германской армии „Вольфшанце“, расположенной возле города Растенбурга в Восточной Пруссии, состоялось покушение на Адольфа Гитлера. Предвидя поражение в войне и не без оснований обвиняя во всем вождя нацистов, группа германских генералов и высших офицеров – в том числе генерал-полковники Бек и Ольбрихт, генерал-майор фон Трескоф, а также фельдмаршал Роммель и сын духовного отца Гитлера Карла Хаусхофера – Альбрехт, составили в 1943 году заговор, условно названный „Валькирия“, с целью устранить Гитлера и одновременно захватить генштаб в Берлине. Заговорщики рассчитывали, что без Гитлера сумеют изменить ход войны и избежать окончательного разгрома Германии.

Покушение не удалось из-за малой мощности бомбы, принесенной в портфеле одним из заговорщиков. В ходе последовавших за этим инцидентом репрессий гестапо и СС было уничтожено немало людей из высших слоев германского рейха».

И лишь после этого ему стало до конца ясно, почему читавший вводную лекцию Пастырь так настаивал на важности показанной новичкам записи...

* * *

...Целла с очередным темпоагентом проплыла перед глазами и канула в приемном отверстии темпоскопа. Сухо щелкнуло колесо. Вспыхнул свет, отраженный выпуклым кожухом. Запахло жженой пробкой. И в этот момент, не раньше и не позже, оператор словно бы проваливался в прошлое, становясь очевидцем того, что происходило десятки, а иногда и сотни лет назад.

После ознакомления с инструкцией по темпосканингу Вадим поразился, какой колоссальный объем работ проделали те, кто методично и придирчиво собирал темподосье на членов Великого Круга, а также на ведущих мировых политиков, ученых, общественных деятелей или живущих и смертных, волею судеб оказавшихся вовлеченными в важнейшие для мировой истории события.

Конечно, темподосье на верховных иерархов Великого Круга в «гнезде» не хранились, для них существовал специальный, строго засекреченный бункер, в котором работали только Пастыри из Отдела безопасности, причем каждый из них прошел тотальную проверку в Комиссии Верности, таинственном Делекте Ректуме. Правда, коллеги по «гнезду», с которыми Вадим встречался во время перерывов, рассказывали, что иногда кому-нибудь из темпосканеров удавалось заметить на «картинке» в чужом темподосье верховных Пастырей. Это считалось большой удачей, и счастливчика обычно ждал приличный денежный бонус.

Но уже после первых дней, проведенных в «яйце», удивление и ожидание чего-то необычного сменилось разочарованием. Зачастую темпоагенты вообще не несли никакой полезной информации, но это еще полбеды. Львиная доля всех просмотренных оператором «картинок» оказывалась пустышкой. Ничего не значащие сцены из жизни, бесконечно скучные разговоры на отвлеченные темы, утомительная физиология...

Воистину, темпосканинг оказался весьма изощренным наказанием для проштрафившегося Наблюдающего Второго уровня Вадима Завадского!

Смена длилась восемь часов, в течение которых Вадим мог выйти из «яйца» лишь трижды – на ланч, на смок-бриф и на фэйф-о-клок. Слава богу, создателям и проектировщикам «гнезда» и «яиц» хватило ума разместить в кабинете оператора туалетную кабинку.

Просматривать «картинки» в реальном времени, естественно, было совершенно невозможно, и по умолчанию темпоскоп воспроизводил их с пятикратным ускорением. Оператор, заметив нечто интересное и важное, мог замедлить процесс и включить запись.

Рычаг, с помощью которого увеличивалась или уменьшалась скорость сканирования, имел восемь положений. Пользуясь этим, большинство операторов увеличивали скорость до максимума – за превышение суточной нормы по пропущенным через темпоскоп целлам полагалась премия и дополнительный ежемесячный выходной. Разумеется, нелишним он показался и Вадиму.

Но за такую стахановскую работу приходилось расплачиваться, и расплачиваться жестоко. От бесконечного мелькания «картинок» у Вадима уже к середине смены начинала кружиться голова, а к вечеру приходила боль. Она тупым буравом ввинчивалась в череп, и от нее не помогали никакие обезболивающие.

График операторов – день через два – подразумевал, что темпосканер за предоставленное ему время полностью восстановится, отоспится и будет как новенький. Но Вадим к исходу вторых суток отдыха еле-еле отходил от головокружения. Тем не менее, стиснув зубы, он каждый раз, усаживаясь в кресло темпоскопа и повернув ключ-жезл, упрямо передвигал рычаг в крайнее положение.

Наверное, разумно и логично объяснить, зачем он это делает, Вадим бы не смог. Но где-то в глубине души он понимал, что такого ритма долго не выдержит, и втайне желал поскорее приблизить момент, когда его организм «сорвется». Может быть, тогда Пастыри обратят на него внимание и найдут Вадиму Завадскому, исполнительному и ответственному Наблюдающему, достойное его способностей занятие?

Пока же его каторга продолжалась...

* * *

Новый год, особенно в Москве – праздник хоть и разорви-рубаха, но все же есть в нем то неповторимое, уютное очарование и особенная домашность, которые греют душу. Нестрашная таинственность Деда Мороза (Кто он? Что он? Откуда?) и сказочная чудесность наряженной пушистой елки размягчают самое огрубевшее сердце.

В новогоднюю ночь загадываются желания. И исполняются тоже. Далеко не все, правда, и далеко не всегда, но исполняются...

Илье Привалову не повезло. Его желание не сбылось. Новый год он вместе с Яной отмечал в компании своих будущих сослуживцев, среди которых, впрочем, было немало старых, еще институтских, друзей.

Санька Готов, братское сердце и верный напарник во всевозможных амурно-питейных похождениях на протяжении трех первых курсов, позвонил Илье 30 января. Пригласил отметить вместе Новый год: «Там только свои будут! Кафешку уже заарендили. Заодно и о делах поговорим, есть у меня к тебе одно предложенье!..»

Как выяснилось, финансово-консалтинговая фирма «РДЕ», в которой Санька трудился вице-президентом, нуждалась в хороших кадрах. Илье же нуждался в работе. Два стремления совпали, приглашение было принято, и вот уже Яна в голубом струящемся платье нимфой порхает возле сверкающей елки, смеется, танцует, веселится, и Илье не отстает от девушки ни на шаг, стараясь при этом еще и не напиться.

Он очень надеялся. И очень хотел. Потому что, глядя на Яну, не хотеть и не надеяться смог бы разве что фонарный столб.

И ведь развивалось-то все – лучше не придумаешь!

К трем часам ночи веселье начало плавно перетекать в то состояние, когда пострадавшие в битве с зеленым змием уже упали физиономией в салат или в декольте чужих супругов, когда все петарды и ракеты оказались запущены, а морды лиц еще целы, когда под залихватски-дежурный тост: «За прекрасных дам!» взлетела в потолок и кокнула плафон люстры пробка от последней бутылки шампанского. Словом, когда праздник свернулся уснувшим котом, Яна подхватила Илью под локоток и жарко прошептала:

– Р-рвем-ког-ти!

И они рванули. По заснеженной, темной и пустой Москве на ярко-желтом «Троллере», через мрак и ледяные проспекты – домой. К уюту, теплу, спокойствию и, как надеялся Илье, полной релаксации.

Наверное, у него все же имелся дар, за который презентовавшей его фее нужно оторвать руки. Дар все портить.

Разговор о Рыкове зашел как-то сам собой. Илье, крутя баранку, начал горячо убеждать закутавшуюся в шубку Яну, что тот подстроил свою амнезию, а на самом деле лег на дно и копит силы...

– Точит клыки, точит, – пьяновато щуря глаза, цедил Илье. – А потом ка-а-ак даст всем по рогам!

Яна слушала молча, рассеянно улыбаясь. Посерьезнела она как-то вдруг, внезапно, и негромко сказала:

– Вр-яд-ли...

– Да ты-то откуда знаешь! – отмахнулся Илье.

– Я б-ла-Ве-лик-й М-терью-Хто-носа. П-сть-не-д-лго, но-б-ла, – упрямо тряхнула челкой Яна и, сухо поджав губы, отвернулась.

Дзинь! – Илье вздрогнул. Все великолепие новогоднего вечера, вся сказочная атмосфера праздника, все тепло, вся любовь – все-все, что только что окутывало их волшебным покрывалом, превратилось вдруг в ледяную глыбу, треснуло, а потом раскололось, рассыпалось на множество мелких осколков.

У Яниного подъезда, уткнув «Троллер» желтой мордой в пышный сугроб, Илье попытался хотя бы поцеловать девушку – на прощание. Но задумчивая Яна подставила вместо губ холодную щеку и бросила:

– П-ока! Сп-сиб-за-чу-дный в-черок!

Цок-цок-цок! – простучали каблучки, и тяжелая подъездная дверь гулко грохнула за ее спиной...

* * *

Впрочем, испорченный праздник все же продолжился – первого января, ближе к вечеру, вся компания собралась в подземном бункере у графа Федора Анатольевича Торлецкого.

Пили чай, делились новостями. Громыко осторожно похмелялся. Яна не вспоминала про вчерашнее, и тогда взвинченный Илья решил «вскрыть нарыв», предложив начать поиски пострадавшего Рыкова, – мол, слишком много вопросов накопилось к подпольному «императору», да и кровавых долгов за ним осталось немало.

Яна отмолчалась, зато граф, Громыко и Митя Илью поддержали. Поиски начали немедленно. Митя уселся за компьютер, вошел в Интернет и чесанул по поисковым системам.

Однако Рыков как в воду канул. После нескольких прошлонедельных заметок в СМИ о том, что бритоголовый депутат обнаружен в Финляндии, весь переломанный и с амнезией, след его затерялся.

– Искать надо веером, сетью, понятно? – уверенно сказал тогда Громыко, и они засучили рукава.

Митя сутками напролет просматривал Интернет, пытаясь обнаружить хоть какие-то факты, указывающие если не на самого Рыкова, то хотя бы на его обширную тайную империю.

Яна, по-прежнему молчаливая и холодная с Ильей, через бабу Качу и ее отставников-смершевцев прощупывала неофициальные каналы. Сфера разведки и контрразведки – мир для чужих закрытый, но информация там крутится всякая, и зачастую весьма любопытная.

Граф Торлецкий за немалую мзду активизировал свою агентуру, подземных жителей столицы, всех этих субтеррян, метрошников, диггеров, бомжей-кротов и прочих катакомбный сброд.

Наконец, Громыко связался со знакомыми еще по оперативной работе в угрозыске, и в конце каждого дня получал подробные, почасовые выборки-сводки происшествий и преступлений, случившихся в стране.

К середине января стало ясно – не все так просто, как казалось. Результат усилий пяти неглупых, энергичных людей оказался нулевым.

– Наш труд, друзья, напоминает старания древнегреческого Сизифа, – резюмировал Торлецкий еще через неделю. – Совершенно очевидно, что господин Рыков явно предвидел подобный вариант и весьма хитро и качественно ликвидировал все проявления своей деятельности...

– Да, но как заводы и фабрики ликвидируешь? Куда людей денешь? А дирижабль этот громадный? А офисы? – вскинулся Громыко.

– Насчет воздушного судна не скажу, а что касается всего остального – так оно, я полагаю, как существовало до, так и продолжает существовать после. И люди работают там, как прежде. Рыков, скорее всего, изначально создавал свои предприятия по особой схеме, не зная которой, никогда не определишь, что все они – единый организм, – граф печально улыбнулся и продолжил: – Так что, господа, предлагаю поиски наши свернуть за их явной бессмысленностью.

После недолгих споров господа вынуждены были согласиться с Торлецким. В самом деле, ловить черную крысу в темном подвале, зная, что там у нее множество нор и ходов – занятие глупое. Один Илья держался дольше всех, настаивая на продолжении изысканий, – ему очень хотелось отомстить за Дрозда и средневожских рыбаков, убитых Рыковым. Кроме того, во что бы то ни стало нужно было доказать Яне, что она ошибалась. Нужно, потому что отношения их так и застыли в фазе «кафе-кино-чмок-у-подъезда».

Но время шло, и Илья понял: невозможное возможно лишь в фантастических романах...

И жизнь постепенно вошла в свою обыденную, рутинную колею.

* * *

Из он-лайн дневника Мити Филиппова 13 февраля.

Вот и февраль уже вовсю наступил.

По совету Т. буду каждый раз выкладывать тут по одной «цитате дня» – что-нибудь из восточной мудрости. Итак, первая цитата:

«У праздного человека досужие мысли воруют жизнь».

Сильно сказано. А сказал это один древний китаец по имени Хун Цзычэн. Он книжку написал, «Вкус корней». Там много чего интересного есть.

Послезавтра Сретение. Самойка говорит, что этот день был позже привязан к эпизоду из биографии Христа, а изначально он – просто-напросто старинный языческий праздник победы Весны над Зимой. Полез в и-нет смотреть инфу. Нашел кучу всякой ерунды. И случайно наткнулся на статейку небольшую про черный цвет.

Вот она: «Черный – один из цветов, символизирующих абсолютное, в противоположность белому цвету. В глубинной психологии это цвет „полного отсутствия сознания, погружения в темноту, печаль, мрак. В Европе черный цвет имеет негативное значение... Черный человек, мрачный дом, темная змея – все это вещи, внушающие мало надежды“ (Э. Эппли). На черных лошадях движется „дикое войско“ – свита германского бога Вотана. И дьявол нередко изображается черным чаще, чем красным. Сатанинские ритуалы глумления над Богом именуются „черными мессами“. В средние века на людей с черным цветом кожи, негров, смотрели с большим подозрением. Для смягчения предрассудков в отношении Африки и жителей Африканского континента один из трех „святых царей“, поклонявшихся Христу (собственно, это были волхвы, маги, астрологи), изображался негром. Черный цвет – это еще и отрицание земного тщеславия и великолепия, цвет священнической одежды и соответственно символ консервативных (ориентированных на церковь) партий. Черный – цвет траура и покаяния – это и обещание будущего воскресения, во время которого он светлеет, становится серым, а потом и белым. В алхимии почернение преобразующейся в философский камень первоматерии является предпосылкой будущего успеха».

И так далее. Бла-бла-бла, в общем :]

А я-то всегда думал, что черный – это вообще не цвет никакой. Вот белый – это да, в нем весь спектр спрятан, все семь цветов радуги.

И в природе черного цвета нет. Ну, не бывает! Даже если вам кажется, что цветок, крылья насекомого или мех млекопитающего черные – это иллюзия. На самом деле они или очень-очень темно-синие, или темно-коричневые, или темно-зеленые.

Вывод прост: черный – цвет, придуманный людьми. Попробую понаблюдать, как и где его люди используют. Не прощаюсь...

* * *

Давно отшумело новогоднее буйство. С московских улиц убрали елки, и только поблескивающие в магазинных витринах гирлянды да бумажные снежинки на окнах офисов и учреждений напоминали о прошедших праздниках.

Столица ворочалась в сотнях автомобильных пробок, кипела людскими водоворотами, завывала сиренами, сверкала огнями рекламных щитов, чадила заводскими трубами, словом, жила, дышала, работала, как и год, и два, и пять лет назад.

В метельных вихрях январь сменился февралем, наступило Сретение. Пришлось оно на пятницу, и Илья с Яной, прикупив роскошный фруктовый торт, отправились на традиционное чаепитие в Терлецкий парк, в гости к бессмертному графу.

По запорошенной снегом тропинке они добрались до исполинских дубов, у корней которых, под сдвижной заснеженной бронеплитой, замаскированной голым кустом сирени, находился главный вход в подземное жилище Торлецкого.

Многое изменилось тут с прошлого года. Исчезли многочисленные растения-слизни, ползавшие по стенам и потолку бункера. Митя, используя жужелицу и росянку, вывел-таки хищную разновидность витофлоруса, названную им «жрун», и эти самые «жруны» в компании со Старым Гномом очистили подземелье от самоползающих анютиных глазок. Расправившись со слизнями, блестящие черные осьминожки предались каннибализму и вскоре пожрали сами себя. Последнего «жруна» с удовольствием схрыпал Старый Гном. Отъевшийся ежик так и не залег в спячку. Графское подземелье весьма устроило его в качестве места жительства – тепло, сытно и безопасно.

Гостиная вернула себе привычный статус. Биолaborаторию граф и Митя демонтировали, главным образом по причине того, что юный биолог всерьез увлекся восточными единоборствами. В оружейной графа, в оборудованном макиварами и прочими диковинными спортивными снарядами импровизированном тренировочном зальчике, Митя часами лупил под руководством Торлецкого по набитым песком джутовым мешкам и орал «Ки-и-я!».

В гостиную же вернулись и круглый полированный стол, и кожаный диван, и графская коллекция редкостей и оружия, и даже шкура зебры вновь украсила стену напротив входной двери.

Появились и новшества. В углу чуть ли не круглосуточно бормотал на сорока восьми каналах плосколицый корейский телевизор, а возле шкафа, на крышке резного старинного секретера, таинственно мерцал жидкокристаллическим монитором компьютер. Из его колонок периодически раздавались леденящие душу завывания – это граф с Митей слушали через Интернет звуки Марса, передаваемые на сервер NASA марсианским роботом-исследователем.

Послав графу эсэмэску с паролем, Илья и Яна дождались, пока плита отъедет в сторону, открывая вход в подземелье, спустились по каменным ступеням в Круглую комнату, прошли визуальный контроль, и вскоре уже здоровались с Торleckким и Митей.

– Позвольте вашу шубку, мадемуазель Яна! – граф, как всегда, галантный, опередил и Илью, и Митю, с явным удовольствием приняв невесомую дубленку Коваленковой.

Илья скинул свою куртку на спинку стула, подмигнул Мите:

– Ну что, Брюс Ли, как успехи?

Митя вместо ответа показал сбитые в кровь костяшки кулаков, потом озорно улыбнулся и продемонстрировал полушпагат. Сесть в полный шпагат у него пока не получалось.

– Ни-ч-го-ни-ч-го, – одобрила Яна, прихорашиваясь перед старинным зеркалом возле двери. – А-ч-го-мо-лча-то?

– «Путь воина проходит в тишине и созерцании», – солидно процитировал Митя изречение из книги, имевшей длинное название «Наставления благородным мужам, вставшим на путь воина». Изданный еще до революции фолиант, за авторством некоего древнего китайского мудреца Цинь Линя, Мите подарил Торлецкий, и теперь все свободное от физических упражнений и школы время мальчик посвящал изучению восточных премудростей.

На столе уже пытел начищенный до блеска самовар, благородное изделие давно почившей в бозе артели братьев Пахомовых. Дым от самовара уходил по хитрой системе

коленчатых труб в подземные коридоры, сопряженные с тоннелями метро, оставляя лишь тонкий аромат горелых сосновых шишек.

Еще в гостиной пахло бергамотовым чаем, ванилью и корицей. В плетеных корзинках высились горки сушек, печенья, сухариков и пряников. Тускло посверкивали серебряными боками сахарница, молочник и подстаканники.

Илья водрузил на середину торт, азартно потер руки:

– Ну, прям мечта детства! Сейчас нахаваемся от пуза!

– Экий вы, Илья Александрович, любитель простонародных выражений, – с улыбкой укорил его граф, усаживая Яну, – нет, чтобы сказать: «Устроим пиршество на зависть Лукуллу и Гаргантюа»!

– Отстаёте вы от жизни, Федор Анатольевич! – усмехнулся Илья, нарезая торт широким янычарским кинжалом, который одновременно служил и лопаточкой. – Нынешняя молодежь и не такое отчебучивает. Да, Митяй?

Митя в ответ только пожал плечами. Яна прыснула:

– П-уть-во-ина? Т-к-и-б-дешь-в-м-лчанку-иг-рать?

Немного стеснявшийся Яны Митя покраснел и пробурчал себе под нос:

– «Насмешка над юношей может принести немало горестей в будущем, ибо неизвестно, кем он может стать и чем отплатить за оскорбление».

– О, какой ты стал подкованный! – уважительно хмыкнул Илья.

– Дмитрий Карлович весьма разумно сочетает изучение силовых приемов боевых искусств с изучением трудов восточных мудрецов и воителей. – Граф, явно гордясь своим учеником, принялся разливать чай.

Пятничные чаепития у Торлецкого происходили по старинному, раз и навсегда заведенному ритуалу. Первый стакан все пили молча, смакуя. Сласти и выпечка оставались нетронутыми до тех пор, пока граф, всегда самолично колдовавший у самовара, не наполнял гостям стаканы во второй раз.

Тут и шли в дело пряники и сушки. Причем на тех, кто съел хотя бы меньше пяти сушек, граф искренне обижался: «Помилуйте, но сушка – это ж самый наш, самый исконный, русский народный продукт! Как ее можно не любить?!»

Разговоры начинались после третьего стакана, когда Федор Анатольевич принимался подтапливать самовар. Говорили о разном – о погоде, о жизни, о событиях в стране и мире и на исторические, а точнее – на военно-исторические темы.

Но сегодня главным героем стал отсутствующий Громыко. Оказалось, что благообразный руководитель частного охранного предприятия «Светлояр», вроде бы давно избавившийся от своих прежних, «ментовских», привычек, вчера в половине двенадцатого ночи позвонил графу...

– ...Будучи совершенно пьяным, господа! – Торлецкий сверкнул изумрудными глазами и сказал, как припечатал: – Лыка, пардон, не вязал наш майор, да-с! Но! Обещал он во что бы то ни стало появиться сегодня и с важным, крайне важным разговором ко всем. В исполнении Николая Кузьмича звучало это так: «Базар стопудовый у меня! Ты, Анатольич, уж собери народ, лады? А то вилы мне вылезают...» И дальше не совсем цензурное. Ну, вы понимаете, господа.

– Ну и где ж он со своим базаром и вилами? – Илья поболтал ложечкой в стакане и скосил глаза на Яну.

Некогда лучшая оперативница уголовного розыска задумчиво наматывала светлую челку на палец. Илья вздохнул. Он ревновал Яну к ее бывшему начальнику, несмотря на все уверения женатого и «воцерковившегося» Громыко. Ревновал – и ничего не мог с собой поделать...

Интердум примус

Война. Поворачивающий Круг эрри Орбис Верус жестко усмехнулся и отложил кипу докладов, отчетов и донесений. Как любят живущие и смертные это слово! Они до сих пор уверены, что война – главный двигатель прогресса, локомотив их истории. Ограниченные в своем желании все понять и постичь, люди не понимают главного – война не цель и даже не средство. Она – лишь процесс, позволяющий скрыть то, что происходит на самом деле.

Иерарх Великого Круга устроился поудобнее в мягком кресле персонального авиалайнера, несущегося над спящей Европой, выдернул из бумажной кипы последнее донесение эрри Делатора, личного посланника и представителя Поворачивающего Круга в стране Изгнанных, и вновь перечел его:

«Почитаемый эрри! Во славу Атиса сообщаю вам, что, благодаря действиям живущих и смертных, контролируемых нами в высших эшелонах власти, экономическая база Слепцов подточена, и они лишены легальной возможности пополнять свои материальные ресурсы.

Под видом передела собственности в буферных государствах Восточной Европы нанесено несколько эффективных ударов по структурам, подчиненным Слепцам, и в данный момент эти структуры выведены из их подчинения.

В ходе тактических операций лояльные Великому Кругу живущие и смертные из числа так называемой элиты страны Изгнанных обнаружили и под видом государственных проверок и антитеррористических операций фактически уничтожили семь тайных баз Слепцов, на которых производилось вооружение, а также высокотехнологичные изделия двойного назначения.

Согласно информации от собственных источников, несостоявшийся Губивец в настоящее время все еще недееспособен, хотя процесс восстановления идет быстрее, чем мы ожидали. Подчиненные ему на добровольных и коммерческих началах живущие и смертные после успокоения Хтоноса потеряли инициативу и перешли от активных действий к обороне, одновременно конспирируя свою организацию.

В связи с этим обращаю ваше внимание, почитаемый эрри, на опасность потери контактов с целым рядом подразделений подпольной сети Слепцов. Позволю себе привести высказывания Первого Пастыря, эрри Сатора Фабера: «Невозможно найти всех скорпионов. Но их можно выманить ярким светом костра».

Важно: в городах Уральского и Сибирского региона Слепцы интенсивно ведут поиск и вербовку молодых мужчин с опытом военной службы, либо, что предпочтительнее – участвовавших в боевых действиях. Осмелюсь высказать предположение, что организация готовится к созданию мобильных боевых групп, предназначенных для ведения активных боевых действий.

Мои агенты, имеющие доступ к циркулирующей внутри организации информации, сообщают, что даже среди рядовых ее членов все чаще происходят разговоры о грядущей войне. Прочитую ныне чрезвычайно популярное в стране Изгнанных изречение одного из ее монархов: «У России есть только два союзника – армия и флот».

Предполагаю, что при внезапно повысившейся активности Хтоноса Слепцы могут попытаться взять власть в свои руки. Создание боевых подразделений косвенно указывает на то, что они ожидают такой активности.

Далее привожу подробный перечень выведенных из подчинения организации нашего противника предприятий и компаний и вероятный экономический ущерб, нанесенный Слепцам...»

Эрри Орбис Верус отложил донесение и задумался. Война – войной... В конце концов это всегда было, есть и будет. Однако мысли Пастыря занимало другое. Поворачивающий

Круг хотел войти в историю как иерарх, положивший конец торжеству Хтоноса в восточных землях. Это легко удалось бы, не будь у древних сил такой мощной и целенаправленной поддержки среди живущих и смертных.

Подчинить их воле Великого Круга, навязать этим упрямам иные ценности – вот такая задача виделась сегодня эрри Орбису Верусу главной!

Но беда заключалась в том, что подобное уже было однажды проделано, и не без участия злосчастного эрри Удбурда, в семидесятые-восемидесятые годы ушедшего столетия Стоящего-у-Оси Великого Круга. Умиротворив Хтонос и развалив красную империю, Пастыри тогда посчитали, что дело сделано, и страна Изгнанных упадет к ним в руки сама, точно перезрелый плод.

Однако выяснилось, что многоликий Хтонос вовсе не утратил своих позиций. Его влияние и связь с живущими и смертными в России были куда более глубокими и прочными. В то же время крушение восточного колосса существенно ухудшило всю международную обстановку. Направление, по которому двигался Великий Круг, сами Пастыри признали не совсем верным, но эрри Удбурд воспротивился, создал оппозицию, затем началась вся эта история с Новым Путем, и в итоге для Стоящего-у-Оси все закончилось изгнанием...

Вздыхнув, эрри Орбис Верус поднялся и, пройдя коротким коридором, вышел под прозрачный колпак обзорной палубы «Боинга».

Бездонное звездное небо раскинулось над головой Пастыря. Внизу лежали бесплотные в призрачном серебристом свете гряды облаков. Пораженный тихой умиротворенностью, царившей над спящими небесами, эрри Орбис Верус вдруг, впервые в жизни, пожалел, что в свое время согласился стать Поворачивающим Круг. И дело тут было не в ответственности, отнюдь.

Одиночество, знакомое, наверное, лишь тиранам и диктаторам живущих и смертных, навалилось на не знающего душевных и телесных болезней Пастыря хуже любой депрессии.

– Мне нужен союзник... – прошептал эрри Орбис Верус, и в тот же миг откуда-то из созвездия Треугольника белой спицей скользнула вниз падающая звезда.

И иерарх Великого Круга, ухмыльнувшись, загадал желание...

* * *

Громыко ворвался в подземные апартаменты Торлецкого, словно ураган «Катрина» на улицы Нью-Орлеана.

Отфыркиваясь и задушенно матерясь сквозь зубы, он прогрохотал по лестнице, зацепился плечом за косяк двери, не глядя метнул на диван в углу пухлую бордовую папку и тяжело рухнул на стул.

Несколько мгновений за столом царило удивленное молчание. Громыко устало обвел всех мутным взглядом, точным движением вытащил из внутреннего кармана плоскую фляжку «Реми Мартин», поставил перед собой и заявил:

– Братцы, нужен совет и помощь. Кажется, без вас я не справлюсь.

– Во-первых, здравствуйте, Николай Кузьмич! – сварливо проскрипел граф Торлецкий. – Что, никак нашествие марсиан случилось на первопрестольную?

– Здравствуйте, граф, здравствуйте! – Громыко свинтил с коньячной бутылки крышку и начал шарить глазами по столу в поисках свободного стакана. Не найдя такового, он досадливо сморщился и отставил фляжку: – Ребята, дайте посуду, а? Я шас выпью и все расскажу. Митька, Янка, Илюха! Ну будьте человеками, видите, дяде Коле плохо совсем...

Прежде чем поименованные Громыко лица успели подняться, Торлецкий ловко вынул откуда-то из-за спины чайный стакан, надел его на горлышко бутылки и сурово буркнул:

– Угощайтесь, Николай Кузьмич, но не забудьте, что Господь велел делиться...

– Да, да, едрена копоть!.. – торопливо закивал Громыко, быстро набулькал себе полстакана и очень обыкновенно, как компот, выщедил янтарную жидкость.

Вновь воцарилось молчание, причем куда более долгое, чем вначале. Все внимательно наблюдали за разительными изменениями, происходящими с отставным майором.

Мутные глаза его налились цветом и заблестели, совиное лицо из пятнисто-бледного стало привычно-багровым, осанка выпрямилась, и даже взъерошенные волосы, казалось, сами собой улеглись в некое подобие прически.

– Уф-ф! – наконец выдохнул Громыко и улыбнулся: – Ох, и полегчало... А то думал – все, кранты, так и помру на бегу...

– Да что случилось-то? – не выдержал Илья, – по какому поводу такая опохмелка?

– Айн момент! – Громыко поднялся, подхватил с дивана папку и шлепнул ею об стол. – В общем, дело скверное. Тухлое, мать его, дело! Начну по порядку...

При Патриархии, как вы все догадываетесь, подвизается и кормится куча всякого народа, духовных званий не имеющего. Ну, водители, уборщики, бухгалтера там или вот мы, охрана. Ну, и журналисты тоже есть, писатели там... и прочие мастера культуры. Причем не все за деньги трудятся, многие по убеждениям, искреннее слово и дело Божье несут и отстаивают.

Громыко прервался, потянулся к бутылке, но под укоризненным взглядом графа спрятал руку в карман и продолжил менее витиевато:

– Короче! Убили месяца полтора назад, как раз под Новый год, некоего господина Раменского. Страшно убили. Жутко. Настругали, как колбасу! В натуре, по ломтику отрезали, уроды. Я – мужик бывалый, всякое видал, но такого...

– Пойдите, Николай Кузьмич! Раменский – это журналист, если не ошибаюсь? Его статьи, посвященные борьбе православия и католичества на Западной Украине, весьма познавательны, да-с. – Граф покачал головой: – Кому же он помешал?

– Да хрен его знает! – Громыко сокрушенно махнул рукой, – Раменский этот про секты много писал в последнее время. Вот, как мы думали, сектанты его и того... Почикали. Твари, мать их в рот! Прости меня, Господи, за слова бранные, не со зла я!

Громыко широко перекрестился на шкуру зебры и снова взялся за бутылку:

– Ну, а вам куда наливать? Давайте выпьем за упокой души невинно убиенного, и я продолжу...

Граф достал из буфета рюмки. Громыко наплескал в них «Реми Мартин», себе опять налил полстакана, и все молча выпили. Митя приняхался и скривил лицо. Спиртного он не любил и, в отличие от своих сверстников, не пил даже пива.

– Ну вот и славно. Так на чем я остановился? – Громыко закатил глаза. – А-а-а, сектанты! Короче, пригласили меня в лавру и попросили: «Вы, Николай Кузьмич, опыт в расследовании таких дел имеете огромный. Мечь – это не христианское понятие, но закон должен торжествовать! На органы наши правоохранительные надежды мало, так вы уж постарайтесь, разыщите злодеев».

Ну, я и начал искать. Сперва думал – ерундовое дело. Почерк-то характерный, маньячный. Я с ребятами знакомыми из МУРа связался, выяснил – следы есть, хотя и не так чтобы много...

Убили Раменского на даче, в Подмоскovie. Место глухое, далекое – станция Бобылино. Это за Дмитровом, туда, к Талдому ближе. Кругом леса, болота. И чего покойник так далеко дачу имел? Не бедно вроде жил... Ну да это лирика все.

Поехал я на место, оглядеться, по дороге копию протокола почитал, мне Ванька Кокин, он в полковниках теперь, перекинул по старой дружбе. В общем, случилось все так: развелся Раменский с женой, как раз накануне. Со зла отписал ей квартирку, а сам на даче поселился. Каждый день «фольксваген» свой туда гонял.

В день преступления приехал он в Бобылино поздно, часов в одиннадцать вечера. Что характерно – один. Нормальные люди Новый год в одиночестве не встречают, а он... Видать, крепко страдал мужик.

Дом у него большой, капитальный, с гаражом, с отоплением. Загнал Раменский тачку, запер гараж и через заднюю дверь в дом вошел. Тут его и приняли. Сразу ногу пробили чем-то острым типа заточки. Эксперты установили – прямо в бедренную артерию попали. Наверное, кричал он, убежать пытался, но следов борьбы нет, только лужа кровавая на полу.

После этого преступники, – как минимум трое, судя по всему, – затащили Раменского на второй этаж. Ну, тут и началось... Там даже потолок в кровище! Жуткое дело. Зачем они его пытали, чего хотели узнать – один бог ведает.

Перед тем, как убить, уроды эти ему ноги отрезали. Аккуратными такими кусками, сантиметров по пятнадцать. И одну странность эксперты подметили: они резали, а он все не умирал, хотя должен был от болевого шока в самом начале скончаться. Анестезии-то никакой!

– М-жет, пъя-ный-б-л? – поинтересовалась Яна, внимательно глядя на Громыко.

– Да нет, он вообще не пил... И в крови все чисто. Но это семечки! Когда неизвестные прикололи наконец беднягу Раменского, прямо в сердце, все той же заточкой, причем с такой силой, что заточка в пол на сантиметр вошла, то на этом не остановились, еще и над трупом глумились...

– Мерзостная история, – проскрипел как бы про себя Торлецкий. Митя сидел бледный, уткнувшись в стакан с остывшим чаем. Илья ковырял серебряной ложечкой торт.

– Но и это не все, мать его! – Громыко раскрыл папку. – На лбу у Раменского эти твари вырезали знак. Типа буква «г» и завитулька сверху. Вот!

На стол легла ксерокопия фотоснимка. Илья глянул только – и сразу отвернулся. С синеватого листа на него глянуло жутко обезображенное человеческое лицо – без носа, ушей и с темными дырищами вместо глаз.

Митя и вовсе не стал смотреть, зато Торлецкий и Яна внимательно изучили снимок.

– Эт-т-не-б-ква «г»! – уверенно сказала Коваленкова.

Граф кивнул:

– Абсолютно согласен, мадемуазель Яна. Это старославянская «глаголь», а «завитулька» сверху, именуемая «титло», означает, что в данном случае это даже и не «глаголь», а цифра «три». Предки наши арабских и римских цифирей не знали и пользовались своими обозначениями. «Аз» с завитулкой означало – цифра один, «буки» пропускались, «веди» – это два, и так далее...

– Ну, не одни вы такие умные, – Громыко усмехнулся, убрал страшный снимок обратно в папку. – Муровцы эту тему про старославянскую цифирь тоже сразу просекли. Пока суд да дело, я своих бойцов поднял – и пошли мы секты шерстить. Сатанистов, в первую очередь, ну и остальных, от пятидесятников до кришнаитов, в рот им всем немытые ноги!

– Ну-и-как? – спросила Яна. – С-танисты? У-г-дала?

– Фиг-с-два! – Громыко тяжело вздохнул, – стал бы я вас пугать этой историей, кабы ларчик так просто открывался...

Пока мы кололи этих убогих да скаженных, прошла почти неделя. Тут мне опять Ванька Кокин звонит. Так и так, грит, следственная бригада создана межведомственная, с фээсбэшниками. Я, грит, в составе. Хошь, грит, и тебя включим, экспертом.

Ну я ему отвечаю: мол, спасибо, Ваня, пока не надо, но в честь чего буча-то? Раменский что, племянником Чубайса оказался? Почему бригада? Почему ФСБ? А он в ответ: Коля, тут серия. Наш Раменский – девятый покойник за два года. Всех валили по-разному, но всем на лбу эту буквицу резали. И еще – все терпилы по северу Подмосковья раскиданы.

Вот такие, в общем и целом, дела.

– З-н-чит, все-т-ки с-танисты? Ш-йка? Пр-блудные? Д-икие? Да? – У Яны в глазах зажегся профессиональный ментовский огонек.

– Может быть, может быть... Но даже в этом случае я бы вас не грузил, – Громыко снова разлил коньяк, но пить не стал. Покрутив в руках стакан, он решительно отставил его в сторону:

– Попросил я у Вани данные на убиенных и начал рыть. Все они очень разными людьми оказались, ну просто совсем разными! Тут тебе и бизнесвумен, и бухгалтерша, и дизайнер, и моряк дальнего плавания. Даже уголовник один затесался, рецидивист! Жили эти люди в разных городах страны нашей необъятной, друг с другом вроде не общались, однако всех их судьба в различное время привела в Москву, а затем – в Подмоскovie, где они и закончили, так сказать, свой земной путь.

Троих перед смертью пытали, как Раменского, остальных просто убили.

– Совпадение? – высказал предположение граф, – или все же у этих несчастных господ и дам было что-то общее, объединяющее?

– А-ул-ики? У-лики-то есть? – вклинилась Яна.

– Слушайте дальше, – Громыко снова раскрыл папку, пошелестел бумагами. – Значит, по уликам: кроме буквы «г» на лбу и предположительно схожих орудий преступления – заточки, ножей каких-то чудных самодельных, тесака острющего, особо ничего и нет. Ну так, мелочи – там нечеткий след ноги, тут размазанный палец, в картотеке не значащийся... Глухо, короче. По заключению экспертов, убийц от трех до пяти человек. Необычайной физической силы люди и скрытные очень. Самое главное – ни одного свидетеля нет! Во всех девяти случаях никто ничего не видел, хотя одно убийство произошло вообще на оптовке в Талдоме, в туалете рыночного кафе! И официантки, и посетители видели потерпевшего, моряка того самого, дальнего плавания. И даже как он в туалет зашел, видели. А спустя минут десять его там и нашли – кишки наружу, дырка в сердце. И буква «г» на лобешнике.

– Ну не призраки же это все сделали! Чертовщина какая-то! – не выдержал Илья.

– Именно что чертовщина, Илюха! – Громыко скривился. – Теперь внимательно слушайте, к главному подхожу.

У всех потерпевших в биографии есть только два маленьких, ничтожных объединяющих эпизодика. В одна тысяча девятьсот восемьдесят замшелом году все они, все девять, работали в некоем пионерском лагере. На разных должностях, в разные смены, но работали! Это – раз!

И у всех у них за какое-то время до того, как они оказались в Подмоскovie, в жизни начали случаться неприятности. Да чего там – неприятности, бляха-муха, жизнь начала рушиться! Конкретно, такая непруха навалилась – только держись! Это – два!

Громыко шумно выдохнул и опрокинул стакан. Пока он закусывал пряником, за столом царил напряженная тишина.

– М-да... – протянул наконец граф и покачал головой. – Дело и впрямь пахнет вмешательством потусторонних сил. А карта с отметками мест убийств у вас есть, Николай Кузьмич?

Громыко молча вытащил из папки и протянул Торлецкому пятнистый кусок карты Московской области, покрытый красными кружками и стрелками. Граф, Яна и Митя склонились над ним, разглядывая зловещий многоугольник.

– Лагерь... Пионерский лагерь... – задумчиво пробормотал Илья, что-то припоминая.

– Илюха, ты чего? – не понял отставной майор. – Да не ломай ты голову, мы весь этот лагерь проверили на сто рядов. Был, был там какой-то инцидент, дети в тайге пропали, с концами. Первое, что на ум приходит, – месть родителей. Но они, родители эти несчастные, тут ни сном ни духом! Во-первых, многих уже и в живых-то нет, кто спился, кто руки на

себя наложил, кто в аварию попал, а во-вторых, у всех ныне живых алиби стопроцентное – не было их в Подмосковье в последние годы. Сто пудов – не было...

– Почему вы так уверены, Николай Кузьмич? – оторвался от карты Торлецкий.

– Да потому что все они живут в городе Иркутске и Иркутской области, – махнул рукой Громыко, и закончил: – И вот когда вся эта жуть мистическая навалилась на меня, позвонил я знакомцу одному, из бывших гбэшных волков. Он консультантом в бригаду ту межведомственную вошел, кстати. Встретились мы, посидели, выпили. Я ему в общих чертах тему обозначил, а он мне в ответ: «Существуют вещи, ни объяснить, ни бороться с которыми мы не в состоянии. Этот случай – из такого ряда. Здесь чужая воля. И чужой разум. Лучше не трогать этого. Мы все воображаем себя охотниками, а на самом деле всего лишь улитки, что выползли на рельс. Поезд пройдет – и уцелеют лишь те, кто не успел залезть повыше. От остальных ничего не останется. Совсем. Понимаешь?»

И это не капитанчик какой-то, а целый отставной генерал Комитета государственной безопасности Советского Союза мне сказал, понимаете? Вот тогда-то я и напил...

– Точно! Точно – Иркутск!! – вдруг заорал Илья, вскакивая, – а лагерь назывался «Юный геолог», так?!

У Громыко вытянулось лицо:

– Ну, так... А ты-то отку...

– Я вспомнил! Вспомнил! – снова перебил его Илья. – Зава, ну, то есть Вадим Завадский, мне рассказывал перед отъездом в Лондон. Мы с ним тогда еще поссорились... Короче, Пастыри эксперимент проводили. Там, в Сибири, прорыв Хтоноса случился, так они несколько высших марвелов использовали, чтобы какой-то темпоральный перенос осуществить. Но чего-то там не сложилось или наложилось одно на другое... В общем, дети пропали бесследно.

– Мать-твою-в-три-бога-душу! – грохнул Громыко кулаком по столу. – Пастыри! Я так и знал, в-рот-пароход...

* * *

– Нет, ну не Пастырские это методы! – кипятился Илья, стуча кулаком по столу. – Они бы памяти лишили, в дурку определили или еще какую пакость сделали. А резать, измываться – тут Хтоносом пахнет. Гадом буду – кубло там, поблизости. Вот на что хотите поспорю...

Давно остыл самовар и опустела бутылка «Реми Мартин». В гостиной графа Торлецкого бушевали страсти.

– Мозги скрипят – аж слышно! – откомментировал происходящее Громыко.

– Только толку нету, – мрачно поддакнул Митя и тут же процитировал: – «Благородный муж собьет масло даже из воды».

Версий и гипотез за час напридумывали кучу, но все они не выдерживали критики. Самый простой и верный путь, позволяющий найти хоть какую-то зацепку в этом запутанном деле, предложил сам Громыко:

– В лагере том пионерском, ети его в душу, персонала было пятнадцать человек. Где девять – мы все в курсе. Из шести оставшихся четверо умерли своей смертью в разные годы, от старости, от болезней – проверено. Один утонул, давно, в девяносто первом. Там тоже все чисто.

– Получается – остается один-единственный, как у вас выражаются, фигурант? – спросил Илья.

– Угу, – кивнул Громыко. – Его пробивали уже. Это некто Бутырин Василий Иосифович, 1965 года рождения, русский, несудимый, в прошлом школьный учитель, географ. В

начале девяностых отложил он указку и тряпку, сморкнулся и двинул в бизнес. Успешно двинул, аж завидки берут. Создал фармацевтическую фирму, вышел на западных производителей, заключил дилерские контракты и развернулся по полной программе.

– П-асут-его? – поинтересовалась Яна.

– Нет, – угрюмо ответил начальник «Светлояра» и пояснил: – Летом прошлого года весь такой стабильный и отлаженный бизнес Бутырина вдруг пошел вразнос. Прокол за проколом, обвал за обвалом. В итоге обнищал наш Василий Иосифович, причем стремительно, в одночасье. Ну, а дальше по известной схеме...

– Я так думаю, – проскрежетал граф Торлецкий, – что этот господин – претендент на то, чтобы его хладное чело украсилось древнеславянской цифирью.

– Так все думают, – Громыко вздохнул, – вот только найти Бутырина ни муровцы, ни мы пока не можем. Квартира на жену записана. Причем она его выгнала, застав с блядежкой какой-то. Ну, Василий наш чемоданчик собрал, дверью хлопнул и отчалил в неизвестном направлении. Путешественник, япона-мама...

– С-ж-ной р-згов-ривали? – Яна покрутила пальцами в воздухе. – К-онт-кты-п-тались н-йти?

– Януля, ну за кого ты меня держишь? – Громыко печально усмехнулся: – И жену, и друзей, и родню, и приятелей, и партнеров по бизнесу опросили – нулево! Видать, крепко припечатало мужика – залег на дно и бухает небось с горя. Жена уж и сама не рада, ревет в три ручья. Короче, сильно подозреваю, что всплывет Василий Иосифович Бутырин только в виде трупа. И тоже где-нибудь в окрестностях станции Бобылино...

– Ну так что, господа сыщики, – подытожил граф, вставая, – рабочая версия у нас одна: по какой-то непонятной причине порождения Хтоноса уничтожают, причем очень жестоко, сотрудников скаутского, точнее, пардон ...э-э-э, пионерского лагеря, видимо, считая их виновными в том, что произошло почти двадцать лет назад в сибирской тайге. Думаю, нужно совершить вояж к местам убийств. Не могу гарантировать, но, возможно, мне удастся обнаружить какие-нибудь следы проявления хтонических энергий...

– Вот это верно! – закивал Громыко, – давай, Анатолич, завтра и поедем. Ну, а мои ребята Бутырина продолжают искать, в параллель с ментами и фээсбэшниками. Авось кому-то и повезет...

– Ник-Кузич! – вдруг торопливее обычного прострекотала Яна, вертя в руках карту с пометками, – а-с-пис-ок ж-р-тв-с-д-атами-у-б-й-ств-есть?

– Само собой. Только зачем тебе? – Громыко порылся в папке, вытащил несколько листочков, скрепленных степлером: – На вот. Но имей в виду – над ним такие зубры колдовали, такие спецы...

– Да-л-дно... – процедила сквозь зубы девушка, впиваясь глазами в список.

– Ну, чего ты там увидела? – Илья бесцеремонно заглянул через плечо Яны, и тут же получил ладошкой по лбу:

– Пр-валов, не-м-шай!

Внимательно изучив список, Яна подошла к компьютеру, за которым уже минут двадцать сидел заскучавший Митя.

– М-тяй, др-жочек, а-пр-бей-ка-мне-в-от-э-ти-д-аты! Ну-ч-то-в-э-ти-дни-б-ло, ч-го-не-б-ыло...

– Ага, – Митя шмыгнул носом и заклацал клавиатурой, изредка сверяясь со списком.

– Зря ты, Янка. Только время тратим впустую, – пожал плечами Громыко. Похмелье, побежденное на время коньяком, потихонечку возвращалось к майору, и он на глазах сдувался, как прохуdivшийся мячик.

– Попытка – не пытка, – вступился за свою пессию Илья, – делать-то все одно нечего. Федор Анатолевич, а самоварчик можно раскочегарить?

– Как выражается нынешнее поколение – легко! – улыбнулся граф, сверкнув изумрудными глазами, отсоединил от самовара трубу и снял крышку.

Минут пятнадцать прошло в ожидании. Громыко, страдальчески морщась, перебрался на диван, укрылся пледом и вскоре захрапел. Илья и Яна нетерпеливо приплясывали за спиной у Мити, а тот все вбивал и вбивал даты в поисковые и новостные сайты, изредка сохраняя данные в отдельном файле.

– Прошу! – Торлецкий широким жестом пригласил к столу, разливая чай.

– Митяй, ну как, есть чего? – не выдержал Илья, садясь на свое место.

– Сейчас-сейчас... Еще минуточку... – пробормотал тот в ответ и с удвоенной скоростью забарабанил по клавиатуре.

Минуточка растянулась в десять. Наконец Митя откинулся на стуле и выдохнул:

– Фу-у... Все!

Лазерный принтер по-воробыиному зачирикал, пожирая бумагу. Ловко выхватив из приемного стопку отпечатанных листков, Митя гордо шлепнул их на стол.

– Держите. Тут все – события, происшествия, народный календарь, погода, исторические даты, курсы валют и цены на нефть. Все, что нашел.

Илья и граф одновременно протянули руки к распечатке, но всех опередила Яна. Едва не опрокинув стакан с чаем, она подхватила результаты Митиных трудов и впиалась в них взглядом, быстро пробегая глазами по строчкам.

– Ну?! – Илья опять заглянул через плечо подруги, – есть чего?

– Есть! – торжествующе выкрикнула Яна и чиркнула ногтем по бумаге. – Точно – есть! Новолуния!

От волнения девушка перестала тараторить, и заговорила медленно:

– Вот смотрите: убийство Кузнецовой Раисы Павловны, бывшей вожатой первого отряда, произошло 8 апреля, в новолуние. Убийство Шитикова Петра Ивановича, физрука, – 6 июня, тоже в новолуние. И Горошко Алла Эдуардовна, старший методист, была убита в новолуние, 5 августа! Митя! Быстренько давай фазы луны за два последних года!

– Ща я, ща! – азартно прошипел юный адепт боевых искусств и бросился к компьютеру. Спустя несколько минут принтер вновь заскворчал, выдавая нужные Яне данные.

– Ну-ка, ну-ка... – пробормотала Коваленкова, сличая даты. – Точно! Все сходится. Все убийства совершались в новолуния! Ритуал! Явно – ритуал!

– Снимаю шляпу перед вашей догадливостью, мадемуазель! – граф Торлецкий встал и щелкнул каблуками. – Вот и не верь после этого в женскую интуицию...

– Когда ближайшее новолуние-то у нас? – вдруг поинтересовался с дивана «спящий» Громыко.

– Двадцатого февраля, Ник-Кузич! – откликнулась Яна, сверившись с распечаткой.

– Стало быть, три денька у нас осталось, чтобы Бутырина найти, – задумчиво пробормотал отставной майор, откидывая плед, и тут же, безо всякого перехода, добавил: – Анатолич, давай, разбанковывай свои запасы. Чапай думать будет!

Граф фыркнул, но послушно отворил резную дверцу буфета и извлек высокую бутылку «Московского» коньяка.

– От цэ – дуже гарно! – почему-то по-украински сообщил Громыко, принимая коньяк, и уселся за стол вместе со всеми, встреченный бурными возгласами.

– А ведь можно еще и вот что... – неуверенно вклинился в общий хор Митя.

– Ну, давай, боец компьютерного фронта, делись, чего придумал? – спросил в наступившей тишине Громыко.

– Логово этих хтонических убийц можно вычислить. Ну, примерно хотя бы, – дрожащим от волнения голосом произнес «боец».

– Это как же? – не понял Илья.

– Дмитрий Карлович, не томите! – поддержал его граф.

– А вот как... – и Митя, цапнув со стола карту, сиганул к компьютеру...

– ...Возьмем за точку отсчета время новолуния... – бормотал мальчик, лихорадочно вводя данные. – ...А за середину временного интервала – время совершения преступления... В первом случае это – пять часов. Во втором – пять с половиной. В третьем... Тоже пять с копейками! Так, так... Получается...

Митя глянул на масштаб карты, попросил линейку и циркуль. Взрослые, переглядываясь, сидели молчком, терпеливо ожидая результатов.

– Ну все, готово! – и Митя положил карту на стол. Вокруг каждого места убийства, отмеченного на карте, он начертил окружности, а их общую область пересечения заштриховал карандашом.

– Ну и что это за начертательная геометрия? – хмыкнул Илья, разглядывая карту.

– Я, кажется, понял, господа! – улыбнулся Торлецкий, – Дмитрий Карлович посчитал время подхода от некой точки, совпадающее со временем новолуния, до места каждого убийства и отхода предполагаемых убийц обратно до искомой точки. А какую скорость движения вы взяли, Дмитрий Карлович?

– Людскую. Ну, человеческую, – смущенно ответил Митя, – пять километров в час...

– Ну, по лесу человек медленнее идет, – задумчиво проговорил Громыко, разглядывая заштрихованное шипастое пятно на карте. – Но в принципе, как вариант... Очень даже... А, Януль?

– Да-г-ений пр-сто! – Яна толкнула Митю в плечо, отчего тот привычно залился краской.

– Ну что же, господа! – Торлецкий пришлепнул карту ладонью. – Стало быть, завтра мы с Николаем Кузьмичом выезжаем на места убийств, ну и заодно посетим этот вот вычисленный Дмитрием Карловичем участок.

– А почему это выезжаете только вы с майором? – вскинулся Илья, – нам с Янкой тоже интересно!

– И мне! – пискнул Митя, уткнувшись в стакан с чаем.

– Дмитрий Карлович, у вас же завтра учеба! – посетовал Торлецкий.

– Завтра суббота, Федор Анатольевич! Родители опять на лыжах в Измайловский парк потащат кататься, – Митя скривился. – Уж лучше я с вами.

– Опасно это, – выпив коньяка и закусив кружком лимона, благодушно сообщил всем Громыко, – мало ли кого или чего мы там нароем...

– Да-л-дно, Ник-Кузич! – Яна стрельнула глазками и поправила челку, – где-н-ша-не-пр-опадала!

– Ну что же, – Торлецкий развел руками, – на том и порешили? Возражений нет?

Возражений не оказалось. Граф разлил коньяк, предусмотрительно плеснув вновь набирающему алкогольный вес Громыко на самое донышко, и поднял рюмку:

– Предлагаю выпить за успешное расследование этого весьма запутанного дела!

Выпили. Громыко пожевал мокрыми губами и причмокнул:

– А ничего у тебя коньяковский, Анатольич, даром что наш! И зачем я, дурень, на эту импортную отраву тратился?

Илья отставил в сторону опустевшую рюмку и принялся разглядывать заштрихованный Митиной рукой кусок местности на карте.

Кусок этот не выделялся ничем особо примечательным. Леса, просеки, болото. На самом краю притулилась деревенька Сорокино.

А в самом центре зловещей колдовской руной краснел сквозь карандашную штриховку Т-образный перекресток двух проселочных дорог...

* * *

Перед тем, как разойтись, граф попросил у всех минуточку внимания:

– Господа! Я хочу сообщить вам одну новость, Дмитрий Карлович уже в курсе. Думаю, вас это удивит. Итак: я приобрел автомобиль!

– Анатолич, а что за марка? – завистливо поинтересовался Громыко, – «Хаммер» небось?

– Ну что вы, Николай Кузьмич. Автомобилям, созданным в Североамериканских Соединенных Штатах, я не доверяю. Равно как и изделиям мастеров из страны Ямато, Страны утренней свежести, и их европейских коллег. Я приобрел скромный, как любит выражаться уважаемый Олег Трофимович, «аппарат», произведенный на Ульяновском автомобильном заводе.

– «Уазик», что ли? – ошалело выпучил глаза Громыко. – Ну и на хрена ж он тебе?

– Э-э-э, не скажите, любезнейший Николай Кузьмич! Иностранные автомобили, без-условно, отличаются повышенным комфортом, но в случае поломки я вряд ли смогу исправить ее самостоятельно. А мое авто я почию в любой точке земного шара – сам. Кроме того, меня вполне устраивают отличная проходимость и надежность работы всех агрегатов в самых неблагоприятных климатических условиях. Что же касается комфорта, то я приобрел модель «Хантер», у него современный... как это? Да, современный дизайн и удобный салон: мягкие кресла, есть даже специальные подставки для поддержания головы.

– Ну, если «Хантер» – то да! – глубокомысленно покивал отставной майор. – А где ты его держишь?

– Стоит мой железный конь в гараже у соседа Дмитрия Карловича, замечательного мастера Олега Трофимовича, вы все его знаете. Оттуда мы завтра и отправимся в нашу экспедицию.

– Ну дела! – покрутил головой Громыко и тут же спросил: – Анатолич, а права? Ты же... ну, типа мифологический персонаж, хе-хе. У тебя ж и паспорта-то нет...

– При современном развитии типографского дела не только на Западе, но и в нашем Отечестве, – ехидно отвечал Торлецкий, демонстрируя знания классики, – это не являлось для меня сколько-нибудь трудным делом!

– А за погляд денег не возьмешь? – пробурчал Громыко, быстро выдернул из сухих коричневых пальцев графа блестящий прямоугольник прав и впился в них профессиональным ментовским взором.

– М-да... Не зря я ушел, – разочарованно протянул он спустя некоторое время, возвращая права владельцу. – Вот не знай я, что они – левые, шиш бы догадался. Стареем, стареем... Правда, Януль?

– Я, Ник-Кузич, на г-л-пые-в-просы не от-веч-аю! – и Коваленкова показала бывшему начальнику острый розовый язычок.

Глава вторая

Василий Иосифович Бутырин, русский, 1965 года рождения, со вчерашнего вечера, видимо, уже неженатый, проснулся от нестерпимой головной боли. Раскрыв глаза, он несколько секунд очумело пытался понять, что с ним. Мир, видимо, сошел с ума и встал на уши. Василию сделалось плохо...

Наконец кое-как переживший мощнейшую алкогольную интоксикацию мозг заработал, и Бутырин понял, что лежит на спине, у самого края дивана, а запрокинутая его голова свисает вниз, чуть не касаясь макушкой пола.

С трудом перевернувшись, Василий скривился от бьющей в виски боли, сел и огляделся. Его похмельному взору предстало безрадостное зрелище разгромленной квартиры – вывороченные ящики шкафов, опрокинутые стулья, перевернутый стол. И всюду, буквально всюду валялись его, Бутырина, вещи – носки, трусы, брюки, рубашки, пиджаки и галстуки.

Шифоньер, гостеприимно распахнувший широкие зеркальные дверцы, хранил в себе лишь стайку плечиков да забытый Алин носочек для фитнеса, сиротливо краснеющий на пустой полке.

В комнату вползало тусклое осеннее утро.

«Это был не сон», – сказал себе Василий и повторил вслух хриплым, чужим голосом: – Это был не сон!

Он поднялся с дивана, подтянул брюки, в которых почему-то оказался, и двинулся к двери, ведущей из спальни в коридор его немаленькой, даже по меркам обитателей домов на Рублевском шоссе, квартиры.

По дороге на глаза Василию попала серая общая тетрадка, лежавшая на самом дне развороченного ящика с документами и письмами.

Нетвердой рукой он достал ее, открыл и прочитал: «Дневник учителя Бутырина В. И. Начат 1 сентября 1985 года».

«02.09.85.

Что им сказать? «Здравствуйте, дети?», или «Садитесь, начнем урок»? Как отреагировать на шушукание, доносящееся с камчатки? И надо ли прилюдно проверять, нет ли на твоём учительском стуле кнопок, нет ли под его ножками капсулей от охотничьих патронов, умыкнутых кем-то из этих вихрастых охломонов у отца-охотника?

Я свой первый в жизни урок начал из рук вон: вошел, улыбнулся, поздоровался и выдал: «Здравствуйте! Я – ваш новый учитель географии! Зовут меня Василием...»

И тут же откуда-то сзади прозвучало: «Алибабаевичем!» Класс грохнул, а я заработал на веки вечные свое учительское прозвище, отделаться от которого мне поможет, наверное, только могила. Самое смешное, что я до сих пор не знаю, кто из обитателей задних парт седьмого "В" проявил тогда остроумие – круговая порука у семиклашек посуровее, чем у «Коза Ностры».

Седьмой класс – это вам не второй и не десятый, тут учитель – словно сапер на минном поле, работает без права на ошибку. Переходный возраст и чрезмерно развитая информированность современных детей делают их похожими на диких зверьков, с клыками, когтями и полным отсутствием чувства жалости, сострадания и уважения к чему бы то ни было...»

«Так или иначе, первый мой урок прошел давно», – подумал Бутырин, закрыв тетрадку: «А за ним был второй, третий, сотый... И так продолжалось несколько лет, пока мне не остодолбенило вечное безденежье. Эх, дети-детишки, первые ученички мои. Где-то вы теперь? А где теперь я? Ох...»

Отбросив дневник, Бутырин доковылял до двери, распахнул ее и каркнул в пустоту коридора, как в громкоговоритель:

– Дор-рогая! Аля! Александр-ра!!

Звонкая тишина была ему ответом.

– Она что, и вправду ушла? – сам у себя спросил Василий и сам же себе ответил: – Ну и дура!

Дошлепав по наборному, но давно не натиравшемуся паркету до кухни, напоминающей размерами школьный спортзал, Бутырин открыл холодильник, снял с дверцы бутылку «Ессентуки № 4», трясущимися руками с помощью ножа скovyрнул крышечку и жадно высосал шипучую жидкость прямо из горлышка.

Полегчало.

Усевшись на стул, Василий устался на два высоких тонких фужера – один недопитый, второй с полукружьем розовой помады – и попытался восстановить в памяти события вчерашнего вечера...

...Началось все еще в обед, когда в офис отзвонился Фрунзик Каспарян и поведал шефу, то есть ему, Бутырину, что немцы из «Байера» отказываются поставлять партию лекарств без стопроцентной предоплаты, потому как «репутация вашей фирмы в деловых кругах более не считается безупречной». И добавил, что раз такое дело, он больше не будет заниматься поиском поставщиков – работать задарма ему нет никакого резона.

Василий послал Фрунзика, «Байер» и весь этот безумный, безумный, безумный мир к такой-то, многократно и разнообразно трахнутой, матери, и в одиночку выпил бутылку «Чинзано» – единственное, что нашлось в разоренном офисном баре.

Покинув кабинет, который со следующей недели ему уже не принадлежал по причине невозможности оплатить аренду, Бутырин уселся в свою покорябанную «Вольво» с разбитой три дня назад в глупой аварии на МКАД мордой.

Он направился к маме Тоне, хозяйке элитного массажного салона «Гламур». Василию срочно требовалось отрешиться от всех проблем, набросившихся на еще совсем недавно успешного предпринимателя, словно шайка гопников на прохожего в темном переулке.

Общеизвестным, простым и действенным способом «нырнуть и не всплывать» был банальный загул с девочками и морем водки, благо жену Александру совместно с ее дражайшей мамочкой Бутырин еще неделю с лишним назад отправил на Сицилию – от проблем и грехов подальше.

Мама Тоня встретила старого клиента дежурной улыбкой и деловым поцелуем в небритую щеку. Но когда речь зашла об услугах в кредит, улыбка на лице бандерши сменилась недовольной гримаской.

– Василий Иосифович, ну вы же понимаете... Наш бизнес держится на жесткой схеме: «деньги – товар – деньги». А у вас, я слышала, проблемы. Так что двух из вип-зала никак не могу. Но!

Тут мама Тоня расплылась в сладкой улыбке и поманила Бутырина толстым пальцем, украшенным несколькими золотыми ободками:

– Вот, обратите внимание! Совсем юный цветок, только что из провинции! При этом умеет многое, а главное – очень хочет научиться еще большему. Ну, вы меня понимаете?..

Василий подошел к занавеске, отделявшей кабинет мамы Тони от гостиной, где на полукруглом кожаном диване лениво листали журналы в ожидании клиентов так называемые массажистки.

– Которая? – хрипло спросил он.

– Самая левая, – грудным голосом пропела ему в ухо мама Тоня. – Метр семьдесят девять ростиком, причесочка «славянка», сорок второй размерчик носит, а грудка – третий стоячий! Для знатока – м-м-м... Вечный кайф. Ну, вы меня понимаете? Куколка, а не девочка! Берете?

Бутырин некоторое время смотрел на «куколку», здорово смахивающую на украинскую «оранжевую принцессу» Юлию Тимошенко и на продавщицу из овощного магазина одновременно, потом решительно кивнул.

– Но, сладкий мой, на ночь это выйдет в три тысячи бакинских, – тут же заторопилась мама Тоня, – и деньги не позднее понедельника, иначе все, шабаш. Ну, вы меня понимаете? Договорились?

Василий сглотнул слюну и снова кивнул. До понедельника надо было еще дожить...

...Самое смешное, что звали «куколку» Юлей. Поначалу она несколько дичилась Бутырина, но когда он привез девицу в свою квартиру и вывалил на стол все купленное по дороге, Юля оттаяла и принялась деловито хлопотать «по хозяйству», сервируя стол и одновременно заводя клиента провокационными разговорами, а также как бы случайными касаниями то налитых грудей, то округлой попы, то стройных бедер.

Выпили, поболтали, снова выпили. И вдруг Василий точно оказался в кресле самолета, рухнувшего в стремительное пики. Ни с того ни с сего он за пять минут выжрал бутылку «Русского стандарта», влил в Юлю два бокала «Вдовы Клико» и, рыча, как Кинг-Конг, потащил «куколку» в спальню, повторяя сквозь зубы:

– От жеж усе будэ гарно! От жеж усе будэ гарно!..

Что там случилось, как все было, и было ли – эти подробности из памяти Бутырина стерлись, похоже, навеки.

Он с трудом вспомнил, как они опять сидели на кухне, он снова пил, а голая Юля весело щебетала что-то и размахивала очищенным бананом.

А потом случился «анекдот наоборот» наяву...

Входная дверь клацнула, и в квартиру твердой поступью римского legionера вошла законная супруга Василия Иосифовича, вооруженная сумочкой и зонтом.

Бутырин хорошо запомнил глаза Александры в тот момент, когда она увидела своего благоверного в одной простыне, с обладательницей «третьей стоячей грудки» на коленях.

Глаза эти походили на два разбитых куриных яйца. И где-то в глубине уже шипело и скворчало что-то нехорошее и очень горячее, превращая все в омлет, до которого в былые учительские годы Вася Бутырин слыл таким охотником...

* * *

Когда поезд летит под откос, поздно дергать стоп-кран. Бутырин понял, постиг, нутром прочувствовал эту нехитрую житейскую мудрость в тот момент, когда к нему приехал судебный исполнитель в сопровождении двух угрюмых приставов.

За месяц, прошедший с ухода жены, шикарное обиталище семьи преуспевающего бизнесмена превратилось в настоящую помойку. Василий пил, пил крепко, с головой нырнув в мутную воду болотца под названием «запой».

Когда закончились последние деньги, он впервые посетил «обитель скорби» – ломбард. За хорошие швейцарские позолоченные часы – подарок коллег на пятилетие фирмы – ему предложили всего пятьсот долларов. И напрасно Бутырин бил себя в грудь, доказывая, что это настоящий «Ролекс», и цена ему как минимум пять, а по максимуму и все десять тысяч зеленых.

В конце концов он смирился и, забрав деньги, отправился опохмеляться...

Походы в ломбард вскоре стали постоянными. За три недели Василий спустил все, что было в доме более-менее ценного, включая «арамановский» серебристый костюм и куртку из бизоньей кожи.

Окрестные алкаши теперь паслись у Бутырина, точно в пивнушке. Квартира превратилась в хлев. Заляпанный пол, немытые кастрюли и сковородки со следами засохших яств

на стенках и гари на днищах. Исцарапанный кухонный стол, сломанные стулья, облеваный ковер в зале, непристойные каракули на обоях – и бутылки, бутылки, бутылки...

Батареи стеклянных «несдаваемых» бутылок от водки и вина занимали полкухни, мятые пластиковые пэтфы от пива валялись повсюду, постоянно попадаясь под ноги. Бутырин в редкие минуты хорошего настроения, вызванного «правильной» опохмелкой, очень нравилось пинать коричневые гулкие баллоны и хохотать, глядя, как они летают по всей квартире.

В душе он понимал, что такая жизнь долго продолжаться не может. «Или я сам помру, отравившись какой-нибудь дрянью, или меня зарежут, или что-то произойдет», – часто думал Василий, скрипя зубами, и тут же из глубин отравленного алкоголем сознания возникала другая мысль: «Не ври себе. Ничего не произойдет. Тебя прокляли, сглазили, околдовали, заморочили. Помнишь ту девчонку? А вдруг она действительно – ведьма?»

«Ту девчонку» Бутырин помнил...

...Это случилось прошлой весной. Стоял теплый, пронзительно-синий апрель. Снег стоял недавно, но город уже просох, и на выпуклых спинах газонов сигнальными весенними огоньками вспыхнули желтые цветы мать-и-мачехи.

Слетав на два дня в Дюссельдорф, где он провел весьма удачные переговоры с крупной фармацевтической фирмой, Бутырин возвращался из Шереметьева в приподнятом настроении. Протокол о намерениях немцы подписали без звука, составлением дилерского контракта займутся юристы, и к середине лета можно уже рассчитывать на первые поставки.

«Куплю наконец-то нормальный дом! Ну сколько можно жить в этом вонючем городе. И Алька будет довольна...» – мечтал Василий, небрежно стряхивая пепел прямо на пол свой шикарной девятьсот восьмидесятой «Вольво». Машину эту, американскую по дизайну и европейскую по качеству, Бутырин любил нежной любовью, поэтому водителю, малоразговорчивому хлопцу из отставных офицеров, курить в салоне запрещалось строжайше, и тот лишь грустно потягивал носом ароматный дымок настоящего, «родного» «Данхилла».

Ленинградка встретила Бутырина вечной пробкой, и он скудно выругался, поглядев на часы – минут сорок жизни теперь псу, а точнее, вот этой толпе автомобильных идиотов под хвост...

Московские нищие, изобретательные, как архимеды, давно уже освоили весьма прибыльный вид попрошайничества – «дойку» машин, застывших в пробках. Большинство побирушек – отличные психологи, «на раз» просчитывающие ситуации, из которых можно извлечь выгоду.

Сидит в неге кожаного салона, приобняв длинноногую красотку, какой-нибудь довольный собой бизнесмен средней руки, на чьем знамени золотым по золотому начертано: «Жизнь удалась!» Солидно урчит двигатель дорогой иномарки, приятные запахи достатка витают во чреве ее, создавая непередаваемую ауру удовольствия, от которой рот сам собой расплывается в блаженной улыбке...

И тут в тонированное стекло этого личного передвижного рая стучится чумазый мальчуган с заплаканными, иконописными глазами и показывает картонку с неумелой надписью: «Мама забалела! Помогите пожалуйста!»

Нет, двоим-троим из десяти произвольно выбранных предпринимателей, безусловно, будет глубокого начхать на юного коллегу Паниковского. Их сердца в жестоких битвах эпохи первоначального накопления капитала огрубели настолько, что само понятие «жалость» для них значит не более чем какая-нибудь «конвергенция».

Но остальные! Эти помягче, посовестливее – ну, россияне же люди! И вот уже с приятным шорохом опускается стекло, и в грязную ладошку мальчика ложится зеленая купюра с портретом давно умершего президента чужой заморской державы.

Не был исключением из общего правила и Бутырин. Учительские гуманитарные корни крепко держали Василия, и сострадал нищим он вполне искренне. Сострадал – и подавал щедро, от души.

Побирушки пробирались сквозь строй разномастных машин, заискивающе заглядывая в приоткрытые по случаю теплой погоды окна. К Бутыринской «Вольво» сперва подъехал безногий парень в грязном камуфляже, затем подошла худая бледная девица с младенцем на руках. Василий, выкинув сигарету, вручил калеке и молодой мамаше по полтиннику баксов и почувствовал себя Саввой Морозовым и Джорджем Соросом одновременно.

И тут за синеватым стеклом возникла девочка лет двенадцати. Угловатый силуэт ее странно не понравился Бутырину, но он тем не менее снова полез в бумажник. Опустив окно, Василий протянул нищенке купюру, и только тут до него дошло, что никакая это не попрошайка.

Девочка, одетая в кожаную курточку и круглую кожаную же шапочку, явно не нуждалась в подаении – это было заметно и по выражению лица, и по тому, как уверенно она двигалась, и самое главное – по глазам.

Большие, волчье-желтые, шальные и тревожные, они заглянули в самую душу Бутырина, заставив его непроизвольно вздрогнуть.

– Чекань, крумил! – брезгливо отодвинув руку Василия с зажатым в ней полтинником, произнесла девочка.

– Чего? – не понял он, удивленно разглядывая свою визави.

– Лыпень, зырки завей, – презрительно улыбнулась желтоглазая, – жива твоя глохает. Табынь!

И девочка сделала странное движение руками – точно набросила на Бутырина невидимый платок или сеть.

– Э! Ты что, ненормальная? – Василий наконец убрал деньги и отодвинулся вглубь салона, – шарики за ролики заехали?

– Ладень! – звонко крикнула девчонка, хлопнула в ладоши и быстро ушла, грациозно огибая замершие автомобили.

– Да дура она, Василий Иосифович! Сумасшедшая. Не обращайтесь внимания, – сообщил Бутырину водитель, повернув голову к шефу.

– Сам вижу, что дура, – буркнул Василий, закрыл окно и снова полез за сигаретами. Хорошее настроение куда-то делось. Впервые с начала своей весьма успешной бизнесовой карьеры захотелось послать все к черту и нажраться. Но тогда Бутырин не придал этому значения...

...Судебный исполнитель, миловидная, хотя уже и траченная жизнью крашеная блондинка лет тридцати, сухо зачитала Василию решение суда. Привычно похмельный Бутырин внимательно выслушал всю эту бюрократическую галиматью, но в памяти осело главное: «...на основании вышеизложенного предписывается Бутырину Василию Иосифовичу покинуть вышеозначенную квартиру в течение двадцати четырех часов с момента оглашения ему данного судебного решения».

– Алька – сука! – хрипло сообщил приставам Бутырин. – А вы чего, все эти двадцать четыре часа тут сидеть будете, да? Караулить меня, что ли?

Блондинка, сморщившись от долетевшего до нее Бутыринского амбре, развела руками:

– Видите ли, Василий Иосифович, мы приезжаем к вам в пятый раз. Трижды вы нам не открыли, хотя за дверью явно слышались голоса. Один раз вас не оказалось дома. Боюсь, что все сроки, отведенные вам, давно прошли. Так что вам придется выполнить решение суда, отдавшего эту жилплощадь вашей бывшей супруге, немедленно.

– Ну, ребята-а-а... – усмехнувшись, протянул Василий, – ну, вы да-ете-е-е...

Наверное, пьяным Бутырин без боя бы не сдался. Но нынешнее похмелье настроило его на фаталистический лад, и он безропотно собрал оставшиеся вещи, запихнул их в грязный баул, еще совсем недавно бывший шикарнейшей дорожной сумкой от «Крайденс», накинул куртку и шагнул к двери:

– Я готов.

– Прошу вас, – один из приставов посторонился, пропуская Василия. И блондинка-исполнитель, и приставы вышли из квартиры следом за Бутыриным. Сухо щелкнули замки.

«Все, – с непонятным чувством облегчения подумал Василий: – все – и навсегда...»

И вдруг он, точно наяву, увидел ту девочку с колдовскими глазами. Она стояла у двери черного хода и насмешливо смотрела на Бутырина. Василий уронил сумку, дрожащей рукой провел по лицу, сильно надавил на глаза и снова посмотрел туда, где только что видел желтоглазую чертовку.

Никого...

«Вот, оказывается, как белая горячка начинается, – обреченно решил он. – Говорят, если не можешь вспомнить, как „белочка“ зовется по-латыни, значит – приехали. А как она зовется? Делириум тремере? Или тремере? Или не делириум, а делирум? Все, Вася, пипец. Пипец...»

Тяжело взвалив сумку на плечо, Василий прислонился к стене, наблюдая, как незваные гости опечатавают уже не его квартиру и не прощаясь уходят к лифту.

Достав из кармана связку ключей, Бутырин взвесил их на ладони. Неожиданно, поддавшись возникшему наконец эмоциональному порыву, он зажал в кулаке длинный тонкий ключ от нижнего замка и нацарапал на дорогой дверной обивке, разорвав ее в нескольких местах, три слова: «Прости меня, Аля!»

Затем, в лучших традициях отечественных разводов, выкинул ключи в мусоропровод и под пристальными взглядами дожидавшейся лифта троицы побрел к лестнице черного хода...

* * *

В отличие от многих коллег по бизнесу, Бутырин не имел «лисьей норы». Ему просто не приходило в голову, что выстроенная собственными руками из ничего благополучная и не зависящая ни от «волосатого дяди», ни от господ бога жизнь может оказаться мыльным пузырем и однажды лопнуть. Он, словно Тухачевский под Варшавой, думал лишь о том, что впереди, совершенно не заботясь ни о путях отхода, ни о резервах.

И точно так же, как Красная армия в августе 1920 года, Бутырин вдруг оказался один-одинешенек, на чужой и враждебной территории, то бишь посреди почти неизвестной ему «пешеходной» Москвы. У него не было денег, ему негде было жить, а вокруг шумел вечно суетящийся муравейник мегаполиса, готовый в момент схарчить любого чужака.

– Чем выше взлетел, тем больше... – пробормотал Василий пересохшими губами и подумал, каково же придется, например, Чубайсу или Абрамовичу, окажись они вдруг на его месте.

Вначале эта мысль развеселила Бутырина – он в лицах представил себе нищего главу РАО «ЕЭС», недоуменно вертящего головой в толпе «простых» москвичей. Впрочем, разум тут же рационально отреагировал на бред непохмеленного сознания: «У Чубайса по Москве „лисьих нор“ небось – не одна, и даже не три!»

Добредя до автобусной остановки, Василий без сил рухнул на холодную железную скамейку, стеклянными глазами уставившись на огромный плакат-билборд, висящий над проспектом.

«Вера, надежда, любовь – три столпа мироздания!» – сообщал с билборда благообразный старичок, явно наряженный под деревенского попа. Однако сурово заблуждались те, кто подумал, что это реклама вечных ценностей, – фразу «три столпа» неизвестные дизайнеры ловко стилизовали в виде логотипа известной компании, производящей элитную мебель.

«Все на продажу!» – зло подумал разоренный бизнесмен и сплюнул. Впрочем, во рту у Бутырина стояла такая сушь, что плевать не получилось – ресурсов организма не хватило даже на это.

«Куда ж пойти, куда ж податься... Сейчас оклемаюсь немного, достану записную книжку, и...», – тут Василий вспомнил, что сотовый свой он неделю назад то ли потерял, то ли подарил, а в блокноте у него одни фамилии и телефоны. «Вот и все, друг сердечный! – грустно сообщил себе Бутырин. – Вот теперь ты и в самом деле приплыл. Ночевать, судя по всему, придется в теплотрассе, или где там еще спят профессиональные бомжи?»

Пошарив по карманам в поисках сигарет и не обнаружив их, Василий вдруг понял, что сейчас заплачет. Лицо его скривилось, горло сдавило и из груди вырвался то ли стон, то ли вскрик.

«Так нельзя! – попытался взять себя в руки Бутырин. – Слава богу, на остановке никого – рабочий день в разгаре. Ну, перестань. Все нормально будет. Ты же мужик! Ну!!»

Некоторое время он сидел не двигаясь и смотрел на поток проносящихся мимо машин и окрестные дома. Кутузовский проспект – занятая улица, пожалуй, наиболее полно отражающая дух современной Москвы. Всему тут нашлось место – и фешенебельным новостройкам, и помпезным сталинкам, и безликим хрущобам.

Неожиданно среди фигур прохожих на той стороне проспекта, деловито спешащих по своим неведомым делам, Бутырин увидел знакомый тоненький силуэт.

– Этого не может быть! – вслух прошептал он, привстав и жадно вглядываясь в остановившуюся у ларька «Мороженое» девочку в круглой кожаной шапочке. На секунду ее закрыла компания дородных теток с баулами, и вот уже у красно-синей будки никого нет.

«Померещилось. Опять померещилось», – облегченно и в то же время испуганно понял Василий и еще раз перечитал надпись на билборде: «Вера, надежда, любовь...»

– Вера! Ну конечно – Вера! Верочка! – Бутырин хрипло захохотал, вскакивая. Стайка сексапильных студенточек с писком шарахнулась от неопрятного, небритого мужика с испитым лицом, но Василий не обратил на них никакого внимания. Радостно улыбаясь, он уже широко шагал по тротуару, взвалив на плечо свою замызганную сумку...

* * *

Раньше вспоминать историю с Верой Бутырин не любил. Ему становилось чисто человечески неловко, когда в памяти возникало сморщенное личико девушки, заплаканные красные глаза и одноразовый бумажный платочек, вздрагивающий в узкой, бледной руке.

Вера появилась у них в офисе года два назад – коммерческому отделу срочно понадобился переводчик с немецкого. Обычная серая мышка, из провинциалок, девушка закончила педагогический и уже несколько лет мыкалась, перебиваясь то преподаванием на курсах, то репетиторством, то переводами. Единственной удачей в тусклой, лишенной перспектив жизни Веры была квартира в Ясенева, доставшаяся ей буквально чудом – двадцать пять лет не признававшая внучку бабушка-москвичка неожиданно для всех родственников завещала свою жилплощадь именно Вере.

Язык она знала весьма прилично, но главное заключалось не в этом. Вера оказалась фантастически, чудовищно работоспособной. Она могла всю ночь переводить сложные, перегруженные фармацевтическими терминами тексты, а потом в течение дня участвовать

в нескольких переговорах, возить гостей из фатерлянда по Москве, и все это – спокойно, уверенно, без жалоб и обычного бабского: «Ой, я не успеваю!»

То, что девушка неровно дышит к нему, Бутырин заметил почти сразу. Естественно, ни о какой взаимности и речи не велось, – во-первых, Вера была не в его вкусе, во-вторых, интрижка на работе – это пошло, в-третьих, он – женатый человек, в-четвертых... В общем, тихая Вера любила шефа молча, на расстоянии, и ничего страшного в этом Василий не видел.

Про себя он называл ее «крыска», и этим словом исчерпывалось все...

Откровенно говоря, Бутырин не особо переживал, когда увольнял Веру. Нет, где-то в глубине души ему было жаль эту не очень красивую, но очень принципиальную «крыску». Но бизнес есть бизнес, и эмоции, чувства, а также мораль и прочая лабуда тут всегда на последнем месте.

Пожилкой глава известной в Германии фирмы «Хомео», специализирующейся на производстве гомеопатических препаратов, герр Рихард Готхельд, приехал в Москву с двумя целями: найти себе спутницу на оставшуюся часть жизни и провести переговоры с Бутыриным по поводу поставок продукции «Хомео» в Россию.

После двух дней пребывания в столице краснолицый немец сделал предложение Вере. Что-то в его прагматичной германской душе дрогнуло, едва он увидел прикрепленную к нему переводчицу. Казалось, все складывается – лучше некуда, но...

Герр Рихард выставил условие – Бутырин должен уговорить девушку, которая наотрез отказалась даже обсуждать с престарелым гомеопатом тему ее замужества. Василий честно почти полтора часа распинался перед Верой, рисуя ей красочные перспективы жизни в шикарном особняке Готхельда под Бонном. Только спустя какое-то время он понял, что эти полтора часа стали для переводчицы настоящей пыткой, ведь любила-то она его, Бутырина!

В конечном итоге немец выставил жесткое условие: если контракт, то Вера должна исчезнуть из поля зрения гомеопата. И Василий скрепя сердце подписал приказ об увольнении.

Он сам отвез ее в тот злосчастный для девушки день домой. И даже поднялся в квартиру. И даже утешил. Два раза. И нравился Бутырин себе тогда намного больше, чем когда подавал пятидесятидолларовые банкноты нищим.

С тех пор они ни разу не виделись...

* * *

Ясенево, конечно, не самый престижный район, но и не Коровино какое-нибудь. Бутырин хотя и был у Веры всего один раз, однако дом запомнил отчетливо – сине-белая шестнадцатизэтажка в двух шагах от вещевого рынка. Впрочем, и с подъездом проблем не возникло – девушка жила в крайнем левом. А вот с квартирой у Василия вышла промашка – ни этажа, ни номера память не сохранила...

Присев на лавочку, он водрузил рядом свой баул и принялся терпеливо ждать. «Все равно времени еще только полчетвертого, наверняка Вера на работе. Если до десяти не подойдет, начну опрашивать жильцов», – решил Бутырин. Версии о том, что девушка переехала в другой район, вышла замуж или вообще уехала из страны, он отбросил сразу – чтобы не впадать в отчаяние раньше времени.

...Она приехала почти в девять. Синяя «восьмерка» запарковалась возле подъезда, хлопнула дверца, пикнула сигнализация, мимо простучали каблучки.

– Вера, здравствуй! – тихо сказал Бутырин, поднимаясь со скамейки, – это я...

– В-Василий Иосифович? – даже в вечернем сумраке стало заметно, как глаза девушки округлились. – Это правда... вы?

Потом они сидели на кухне и молчали. Свою историю Василий рассказал, пока расправлялся с макаронами и полуфабрикатными котлетами. Вера вздыхала, украдкой посматривала на бывшего шефа, и все подкладывала ему на тарелку то салат, то помидорку-черри, то маслинку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.